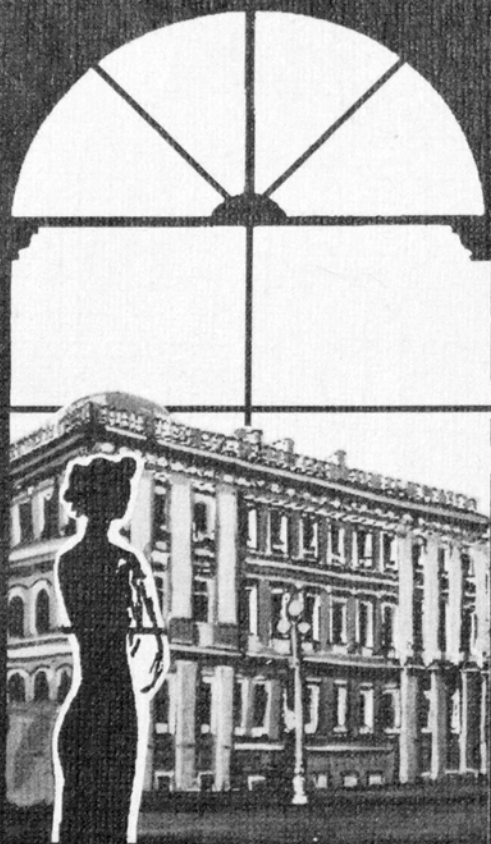

В.И.Аксельрод
Л.П.Буланкова

АНИЧКОВ ДВОРЕЦ

В. И. Аксельрод,
Л. П. Буланкова.

Аничков дворец — Легенды и были

ООО "Алмаз"
Санкт-Петербург
1996

Авторы-составители приносят глубокую благодарность за помощь в работе зав. сектором музея Дворца творчества юных Локотниковой Инне Георгиевне, сотрудникам библиотеки и фотосектора Г. Павлову, В. Рудакову (фото), И. Изотову, А. Бессонову (репродукция).

Особую благодарность авторы также выражают научному сотруднику ГИОП Н. Н. Демичевой, чьи исследования по архитектуре Аничкова дворца использованы при написании книги.

© В. И. Аксельрод, Л. П. Буланкова, 1996

© В. Веселов, оформление, 1996

ЗОДЧИЕ И СТРОИТЕЛИ ДВОРЦА

Аничков дворец — старейший на Невском проспекте. Он по праву считается одним из самых выдающихся памятников дворцовой архитектуры Петербурга XVIII—XIX веков.

Созданный по повелению дочери Петра I — Елизаветы, дворец первые полвека принадлежал ближайшим фаворитам Елизаветы Петровны и Екатерины II, а затем целое столетие был резиденцией императорской семьи, их домом, местом пышных официальных приемов, блистательных придворных балов и маскарадов.

Вот почему в проектировании, строительстве и многочисленных переделках дворца, вызванных волей и изменяющимися вкусами его сиятельных владельцев, участвовали многие известные зодчие Петербурга, среди которых Земцов, Дмитриев, Растрелли, Старов, Соколов, Руска, Росси, Штакеншнейдер, Жибер, Рахау, Месмахер, Монигетти и другие.

Поднимаясь сегодня по торжественной парадной лестнице Аничкова дворца, проходя по дворцовой анфиладе, мы видим свидетельства

Аничков дворец — рисунок М. И. Махаева.

Гравер Я. Васильев. 1753

таланта, индивидуального мастерства творцов прекрасных интерьеров — зодчих и живописцев, позолотчиков и резчиков, мраморщиков и лепщиков... Сохранились плафоны и десюдепорты, вазы, декоративная скульптура и бронзовые люстры. Несмотря на разностильность, дворцовые интерьеры сохраняют свое ансамблевое единство. Даже при значительных утратах, неизбежных при каждой новой перестройке, Аничков остается одним из самых красивых дворцов Петербурга.

Обратимся к прошлому этого замечательного памятника архитектуры.

... В 1730-е годы территория, занятая ансамблем Аничкова дворца, принадлежала первому петербургскому полицмейстеру Дивьеру, а затем перешла к откупщику Лукьянову. Последний выгодно продал этот участок дочери Петра I цесаревне Елизавете. Изустным

Иконостас церкви Аничкова дворца. XVIII век

распоряжением 10 августа 1741 года она повелела: "В новом доме, что у Аничкова мосту, строить каменное и деревянное строение по учиненным от архитектора Земцова прожекам". По названию моста, происходящему от фамилии подполковника М. О. Аничкова, руководившего в петровские времена рабочими командами солдат, стал называться и сам дворец.

25 ноября 1741 года в результате дворцового переворота Елизавета Петровна стала императрицей. Коронационные торжества надолго отодвинули строительство дворца. В 1742 и 1743 годах еще не была начата кладка фундамента и стен. В дальнейшем, когда после смерти М. Земцова строительство возглавил его помощник Г. Дмитриев (с 1743 по 1750 гг.) возведение дворца по-прежнему велось по "учиненным" чертежам. Выполненное в натуре здание отличалось от проекта лишь тем, что сделали "против прожеку архитектора Земцова... выше палаты, для того что велено употребить готовые окошечные переплеты, перевезенные из Курляндии". Основной корпус дворца в то время был двухэтажным, с трехэтажными боковыми ризалитами¹.

¹ Здесь и далее авторы книги опирались на исследования по архитектуре Аничкова дворца, проведенные Н. Н. Демичевой, А. Н. Петровым, Л. И. Васильевой, А. И. Успенским и др. См.: "Источники".

Завершение строительства и отделка интерьеров Аничкова дворца связаны с именем Ф. Б. Растрелли (с 1747 по 1751 гг.). Зодчий упомянул в перечне своих работ и этот дворец: "Я исправил большой Аничковский дворец и присоединил часовню с куполом, а также большой зал с парадной лестницей, богато украшенный статуями и лепными декорациями, равно и все парадные апартаменты и часовня были украшены богатыми плафонами". Вместо предложенных Земцовым "финиментов" сложной барочной композиции Растрелли создал над боковыми ризалитами высокие восьмигранные купола с затейливой обработкой рокайлями и вазонами. На куполе ризалита, занятого церковью, был установлен крест, на другом ризалите — звезда.

Церковь, размещенная в ризалите, выходящем на Невский, была освящена во имя Воскресения Христова. Она занимала второй и третий этажи этого флигеля. Иконостас, выполненный по рисункам зодчего, был трехъярусный, вызолоченный, с богатой резьбой. В настоящее время он находится в верхней церкви Владимирской иконы Божьей Матери на Владимирской площади.

Об оформлении интерьеров Аничкова дворца, выполненных Растрелли, мы можем сегодня только догадываться, сопоставляя их, например, с сохранившимися апартаментами

Строгановского и восстановленными залами Екатерининского дворцов. Это оформление просуществовало недолго и в большей части было уничтожено пожаром в 1762 году. По словам современника "половина дворца не могла быть спасена по причине вышины крыши, под которой пламя разгорелось с особенной силой".

Ансамбль Аничковой усадьбы являлся одной из достопримечательностей архитектурного Петербурга 1750-х годов, о чем можно судить и по известной гравюре, сделанной с рисунка М. Махаева 1753 года. Этот ансамбль включал, помимо великолепного дворца, парадный двор с каналом, гавань для въезда с Фонтанки, прогулочные галереи вдоль берега и обширный регулярный сад.

11 ноября 1743 г. Елизавета Петровна "изустно указала перевести садовника Стрельнинской мызы англичанина Людвига Киндера Таперса ко двору ее императорского величества для разведения в новом ее императорского величества доме, что у Аничкова мосту, сада".

Для сада отвели территорию между дворцом и нынешней Садовой улицей, а также смежный участок — Головин Двор, граничащий с усадьбой канцлера Воронцова. Первоначально сад был регулярного стиля и по размерам значительно превосходил нынешний.

К 1748 году относятся первые упоминания о так называемых публичных вольных маскарадах, которые проводились в Оперном доме. Каменное здание Оперного дома находилось в саду Аничкова дворца. Маскарады устраивал французский комедиант Серений “на свой кошт”.

В Оперном доме давались также различные спектакли: ставилось “итальянское действие, называемое пастораль и имеющее титул “Прибежище мира”, “отправлялась трагедия” на французском языке либо ставилась комедия опять же французского автора на французском языке.

Представления и маскарады, начинавшиеся во дворце, нередко продолжались в саду, в каменном увеселительном доме с куполом и галереей (позже этот дом был разобран). Здесь нередко выступали украинские певчие и давала представления итальянская опера...

Сохранилось описание расположения зданий Аничкова дворца в XVIII веке: “В первом большом корпусе в среднем апартаменте церковь, зал и 14 парадных покоев; в нижнем этаже 20 покоев и вверху — 5, всего 40 покоев. Под теми покаями 22 погреба. К тому корпусу — две большие кухни, при которых 9 комнат, два ледника и сарай. В саду в Итальянских палатах три покоя, зал, кухня и хлебная.

В двух корпусах, что к Гостиному двору, в первом от оранжереи — восемь покоев, под ними — столько же погребов; во втором — шесть покоев и шесть погребов. В служительских трех корпусах (из них два по переулку и один напротив) — 27 покоев. Две конюшни на 44 стойла и два сарая. В саду в деревянном павильоне — 10 покоев; в нем каменная кухня, оранжерея каменная, две деревянные теплицы с пятью покаями, за стеною — 15 деревянных покоев и при них сарай”.

К 1754 году все строительные работы в усадьбе закончили, и спустя три года императрица Елизавета Петровна подарила дворец своему фавориту Алексею Григорьевичу Разумовскому.

После смерти А. Г. Разумовского Аничкова усадьба перешла к его брату гетману Кириллу Григорьевичу Разумовскому, который здесь почти не жил. Постепенно дворец и сад пришли в запустение.

* * *

22 июня 1776 года в Царском Селе Екатерина II подписала указ о пожаловании Потемкину купленного у Разумовского Аничкова дома с садом “в вечное и потомственное владение” в знак признания его заслуг в русско-турецкой войне. В письме к фавориту императрица

указывала: “Извольте принять его (т. е. Аничков дворец) — от Елагина, которому исправить и убрать его по Вашему вкусу приказано, употребив на то до ста тысяч рублей...”

Автором переделки дворца для Г. А. Потемкина был архитектор И. Е. Старов. В 1776—78 гг. он надстроил третий этаж и подвел боковые крылья здания под обширный карниз с центральной частью и флигелями и придав дворцу ныне существующий классический облик.

К дворцу, фасады которого получили новую декорацию, были пристроены Зимний сад и терраса; галереи и каменная ограда были разобраны; гавань и пруды засыпаны. Вместо регулярного сада разбит пейзажный парк с большим прудом и островом в центре. Примерно на месте Александринского театра построен Итальянский дом с галереей, предназначенный для маскарадов и празднеств; ближе к Садовой — театр и колоннада. На Садовую выходили жилые флигели и лавки. В юго-западной части усадьбы возведена каменная кухня.

Сиятельный князь, нуждаясь в деньгах для постройки Таврического дворца, продал Аничкову усадьбу купцу Шемякину. В 1793 году

Екатерина II приказала архитектору Е. Т. Соколову составить проект переделки выкупленного казной дворца под Кабинет.

Е. Т. Соколов "сочинил" генеральные планы как главному корпусу каждого этажа, так и всему строению, с надлежащим описанием предполагаемых исправлений новых пристроек: против главного корпуса на берегу реки Фонтанки — каменной решетки вместо деревянного забора, а также каретного сарая и конюшен. Во дворце, помимо указанной разборки террасы и Зимнего сада, Соколов переделал деревянные парадную и церковную лестницы, заменив их каменными с металлическими перилами, устроил несколько новых перегородок в бывших помещениях церкви и большого зала, поменял обветшавшие перекрытия. Кроме того, "на двух выступах с передней стороны дома в крыше два деревянные купола были обиты железом и выкрашены, на наружных стенах дворца исправлена штукатурка и лепные украшения, внутри верхнего и нижнего этажей главного здания — во всех комнатах переделаны полы, окна и двери, а также изразчатые печи, в больших комнатах — в столовой и где была церковь (обе комнаты — в два света) — произведены лепные работы". Отделана новая церковь.

В 1794 г. архитектор Е. Т. Соколов, приспособив дворец для нужд Кабинета, разобрал Зимний сад и террасу, а в 1796—1801 гг. на углу Невского и Садовой возвел здание Публичной библиотеки.

В 1802 г. южная часть кабинетской усадьбы по реке Фонтанке была пожалована Александром I петербургским купцам, и уже в 1807 году купец Евсевьев начал на участке строительство дома по проекту архитектора Г.-Х. Паульсена (строительство завершено в 1812 г.). Рядом в 1809—1810 гг. архитектор Л. Руска построил Конюшенный корпус, а на угловом, выходящем на Невский проспект участке в 1803—1805 гг. архитектор Дж. Кваренги возвел здание Кабинета.

В начале XIX века территория усадьбы была сокращена: ее западная часть стала Театральной площадью. С конца XVIII века приблизительно определились и границы парадного и кухонного дворов.

Указом Павла I в 1799 году часть сада перешла к театральной дирекции. Один из садовых павильонов архитектор В. Бренна перестроил в Малый театр, названный по имени антрепренера гастролировавшей здесь итальянской труппы “театром Казасси”.

Помимо Конюшенного корпуса, архитектору Л. Руска принадлежит идея включения дворца

в панораму Невского проспекта с помощью дугообразных крыльев ограды. Возможно, также по его проекту были построены ворота на Невский проспект и — симметрично им — ворота на кухонный двор, придающие парадному двору композиционную завершенность. Ворота между Кабинетом и Конюшенным корпусом в виде арки с рустами по архивольту также, по-видимому, сооружены Л. Руска. Им соответствовал каменный забор, ограждавший хозяйственный двор, в виде стенки с пилястрами, обрамленными рустами.

После постройки Дж. Кваренги здания Кабинета Аничков дворец был освобожден для новой владелицы. В 1809 году Александр I пожаловал его своей сестре, великой княгине Екатерине Павловне, в связи с ее бракосочетанием с принцем Георгом Ольденбургским. Высочайший указ от 28 июня 1809 года гласил: "Главный корпус дома, занимаемого Кабинетом, предоставляя в собственность Ее Императорского Высочества, любезнейшей сестре моей Великой княгине Екатерине Павловне, повелеваю на переделку его корпуса, на обмещивание в нем покоев и на построение к оному вновь особенного каменного дома для служб и конюшни по примерным сметам архитектора Руска деньги до 342 000

рублей отпускать по мере надобности из сумм Кабинета. Александр”.

Отделка дворца была завершена в 1811 году. Однако после пожара, в результате которого выгорела вся правая половина бельэтажа, работы были возобновлены в 1812 году.

Основной принцип архитектурного решения, найденный еще Растрелли, — две параллельные анфилады по продольной оси дворца — Л. Руска не нарушил. Основные изменения затронули крыло, выходящее на Невский. Здесь была устроена новая церковная лестница и полностью перепланированы помещения первого этажа, где была сделана баня, изменениям подверглись личные комнаты владельцев. Л. Руска изменил садовый вестибюль, разместив на его месте жилые помещения. В левом крыле была устроена новая (Буфетная) лестница, а в бельэтаже — большой танцевальный зал и ротонда. Комнаты третьего этажа отвели прислуге, в подвале разместили хозяйственные службы.

Интерьеры были оформлены в традициях классицизма, еще не отягощенного ампирами чертами.

Из интерьеров архитектора Л. Руска после переделок и утрат сохранились только Танцевальный зал и Большая столовая, а также рельефы в десюдепортах.

В 1816 году великая княгиня Екатерина Павловна вторично вышла замуж и уехала из России. Аничков дворец перешел в Удельное ведомство и в 1817 году был подарен великому князю Николаю Павловичу в связи с его женитьбой на дочери прусского короля Фридриха-Вильгельма III, будущей императрице Александре Федоровне. С этих пор Аничков стал городской резиденцией "малого двора". Архитектору К. И. Росси было поручено заново отделать дворец и перестроить усадьбу: сад, кухонный флигель, конюшенный корпус и манеж, павильоны, ограды.

Хотя значительных переделок в 1817 году не производилось, полностью были возобновлены декоративные росписи. Дж. Б. Скотти расписал церковь и 25 интерьеров первого и второго этажей.

К сожалению, ни один из интерьеров Аничкова дворца с росписью Дж. Б. Скотти до настоящего времени не сохранился. Почти все помещения, декорированные К. Росси, во второй половине XIX века были переделаны.

К. Росси в 1817—1821 гг. осуществил последнюю комплексную реконструкцию усадьбы. Ее южная граница определилась вдоль южного фасада Конюшенного корпуса, к которому был пристроен Манеж. Пруд засыпали, на его

Аничков дворец в 1820-х годах. Литография по рисунку А. Е. Мартынова

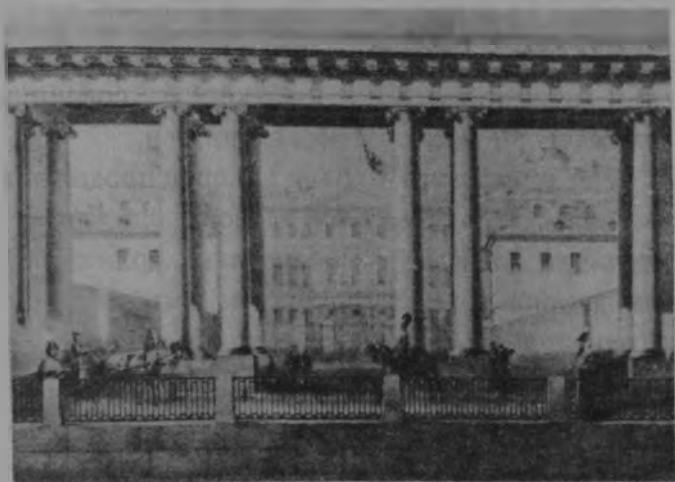
месте по проекту К. Росси и А. Менеласа разбили пейзажный сад. На Театральную площадь были выведены фасады двух павильонов. Со стороны Невского проспекта и между павильонами установлена металлическая ограда. Со стороны хозяйственного двора сад обрамляет дуга кухонного (Сервизного) корпуса. От Манежа до южного павильона был протянут каменный забор.

Фасады павильонов отличаются благородством и простотой. Все они оформлены парадно, правда, те, что обращены к городу, — строгие и официальные, садовые — более интимные. Статуи древнерусских витязей на фасадах павильонов выполнены по моделям С. С. Пименова. Внутри каждого павильона

находится зал с полукруглым выступом, обращенным в сад. Зал украшают колонны и лепные панно аллегорического содержания.

Многие годы обязанности главного архитектора Собственного дворца (как стали называть Аничков) исполнял З. Ф. Дильдин, еще в 1817 году помогавший К. Росси. Под руководством Дильдина происходили ежегодные ремонты всех зданий усадьбы, отделка помещений для рождавшихся царских детей, а также был осуществлен ряд значительных переделок. Так, в 1846 году была заново отделана церковь, а в 1848 году произведен крупный ремонт парадных гостиных с обновлением живописи художником Б. Медичи, обивки стен, золочения, мебели и осветительных приборов.

В 1838 году после пожара в Зимнем дворце Николай I издал указ о замене конструкций кровли Аничкова дворца на металлические. Работы, осуществленные в 1839 году, были поручены архитектору А. Е. Штауберту и обер-берггауптману М. Е. Кларку. Металлические стропила и балки были получены с Александровского завода из оставшихся от перестройки Зимнего дворца. Наряду с заменой кровли были полностью обновлены интерьеры верхнего этажа.

В. С. Садовников. Петербург. Аничков дворец. 1838

После 1825 года, когда Аничков стал императорской резиденцией, к усадьбе вновь присоединили участки к югу от Конюшенного корпуса. В купленных домах Серебрякова и Байкова должен был разместиться штат двора. В связи с этим архитектор Собственного дворца З. Ф. Дильдин пробил между вновь приобретенными и старым участком хозяйственного двора новый переулок, задуманный при создании ансамбля Александринского театра архитектором К. Росси в 1828 г. Переулок получил название Толмазова. Архитектор осуществил также ряд переделок

в домах Серебрякова и Байкова, построил новый забор по переулку. В 1838 г. З. Ф. Дильдин перестроил Кухонный корпус, соединив его с дворцом переходом в три оси.

После смерти Николая I дворец продолжал оставаться резиденцией вдовствующей императрицы Александры Федоровны. Архитектором дворца в 1853 году после смерти З. Ф. Дильдина назначен А. И. Штакеншнейдер. Из осуществленных им работ, кроме ежегодных ремонтов, можно назвать устройство во дворце водопровода и канализации.

Верхний этаж по-прежнему отведен фрейлинам, в первом этаже размещались апартаменты великих князей и княжон. В левом крыле — комнаты Александра Николаевича и Марии Александровны (с 1855 г. — императора и императрицы), в правом — Марии Николаевны, далее по садовой анфиладе — Константина Николаевича, Ольги Николаевны и Михаила Николаевича.

После смерти Николая I дворец на несколько лет, до завершения строительства Николаевского дворца на Благовещенской площади, был резиденцией великого князя Николая Николаевича, которому были отведены личные комнаты императора в бельэтаже.

Аничков дворец. Акварель В. Барта.
Начало XIX века

После 1860 года, когда умерла императрица-мать Александра Федоровна, а для великого князя Николая Николаевича был выстроен собственный дворец, Аничков некоторое время использовался менее интенсивно.

В 1865 году дворец, предназначенный для наследника — великого князя Николая Александровича, было решено отделать заново в связи с его предстоящей женитьбой. Составление смет и производство работ поручили архитектору Э. И. Жиберу. Переделки

намечались в восточном крыле бельэтажа, где было решено устроить личные комнаты владельцев.

Чертежи Э. И. Жибера были уже готовы, когда скоропостижно скончался за границей великий князь Николай Александрович. Работы по перестройке дворца, однако, не были прерваны. Аничков дворец был отведен под резиденцию и двор нового наследника, великого князя Александра Александровича. В 1866 году он женился на дочери датского короля Дагмаре, нареченной по принятии православия Марией Федоровной. Смена владельцев повлекла за собой лишь изменение монограмм, в декоре комнат. По проектам Э. И. Жибера на месте бывшей Диванной создан Красный кабинет Марии Федоровны, полностью переделаны Опочивальная и Уборная, перепланированы помещения анфилады восточного крыла. На их месте устроены Кабинет и Уборная великого князя, Малая столовая и Камердинерская. Спроектирован был также собственный подъезд с подъемной машиной.

Малый двор постоянно находился в Аничковом дворце. Здесь шла жизнь, рождались дети, ставились домашние спектакли, разыгрывались романтические истории, проходили официальные церемонии. Обновлялись

и интерьеры дворца. В конце 1869 — 1870 гг. к работе во дворце был привлечен архитектор И. Монигетти. В 1869 году он устроил театр для домашних спектаклей. В 1868 году ему была поручена переделка Круглой (Музыкальной) гостиной под Библиотеку наследника. В 1870—1871 гг. на месте личных комнат под Церковью И. Монигетти устроил помещения Музея. В 1872 г. между Уборной Марии Федоровны и Кабинетом великого князя архитектор создал так называемую Птичью комнату (с отделкой карельской березой “под птичий глаз”). В Антресоли была устроена Гардеробная великого князя с лестницей красного дерева. Наконец, в 1875 году по проекту И. Монигетти была переделана парадная лестница. За год до этого, в 1874 году по проекту архитектора К. Рахау был перестроен парадный подъезд, над которым в бельэтаже устроен Зимний сад.

Не следует забывать, что дворец — это сложное инженерное сооружение. Поскольку речь идет о собственном дворце императорской семьи, то именно здесь находили применение всевозможные технические новшества, регулярно совершенствовались инженерные сети. В частности, в 1870—1875 гг. инженер-полковник Войницкий осуществил

реконструкцию отопления и вентиляции парадных комнат бельэтажа.

После того как Александр III стал императором, Аничков дворец продолжал оставаться частной резиденцией императорской семьи. В 1886 году по проекту архитектора М. Е. Месмахера были отделаны новые Уборные и Опочивальные комнаты их величеств в верхнем этаже дворца.

В 1881 году, когда вновь после почти тридцатилетнего перерыва дворец стал императорской резиденцией, усадьба была увеличена за счет покупки соседних участков по Толмазову переулку. Сам переулок был упразднен, и за счет новой территории расширен дворцовый сад, ограниченный со стороны Александринской площади новым каменным забором.

В начале XX века дворец оставался частной резиденцией вдовствующей императрицы и великого князя Михаила Александровича. Время от времени обновлялись личные комнаты великого князя и великих княжон в первом этаже дворца, отделка которых была очень проста: обивка стен и потолка цветным ситцем. Так, в 1902 году по проекту архитектора дворца Ю. Бенуа был переделан с устройством винтовой лестницы Собственный подъезд

Ограда и ворота. 1903 г.

великого князя Михаила Александровича в западном крыле, а в 1904 году полностью обновлены его личные комнаты. В 1913 году отремонтированы личные покои императрицы в верхнем этаже дворца.

В начале XX века в центре сада была устроена Оранжерея. В “ведомости зданий и сооружений Собственного Его величества дворца”, относящейся к началу XX века, помимо дворца названы: Кухонное здание с трехэтажным флигелем по Толмазову переулку (б. Прачечная), Конюшенный дом (конюшни, манеж, квартиры, сарай), дома Серебрякова и Байкова с новой прачечной и снеготаялкой (в 1911 г. торговый дом “Альфа-Нобель”

устроил завод по изготовлению льда, производящий 20 пудов льда в час), дом Дмитриевой, дом сводно-гвардейского батальона, каменный ледник, дом сторожа, бани и прачечные 1900 г. постройки, оранжерея, павильоны (Арсенал и кладовая), конюшни, экипажные сарай, ледники, ковровая, кладовая, Кательные горы, металлические и каменные заборы, торцовые и булыжные мостовые, запасной дом по набережной Фонтанки, 50, со своими конюшнями, экипажными сараями и санитарно-дезинфекционным отделением во дворе.

Кроме перечисленных сооружений, на территории усадьбы располагалась электростанция (в пристройке у забора между парадным и кухонным дворами), телеграфная и телефонная станции (в подвальном этаже дворца) и гауптвахта в здании Кабинета.

После Февральской революции 1917 года Аничков дворец был национализирован.

16 марта 1918 г. он был передан в ведение Комиссариата имуществ республики, а через полгода перешел Музею города, который располагался здесь до 1934 года.

Осуществленная в 1936—37 гг. перестройка дворца под Дворец пионеров по проекту архитекторов А. И. Гегелло и Д. Л. Кричевского почти не затронула интерьеров, имевших

художественную отделку (за исключением церкви и Малой столовой). Перепланировке подверглась только часть помещений первого этажа, на месте которых вновь был устроен садовый вестибюль (бывшие личные комнаты великого князя Николая Александровича) и интерьеры третьего этажа, где в XIX веке размещались комнаты фрейлин и прислуги.

Главный вход во Дворец намечался со стороны Фонтанки, с использованием колоннады Кваренги. На оси этого входа планировалось устройство спуска-лестницы к пристани, которая будет обслуживать Дворец и с которой будут отправляться на катерах и моторных лодках детские экскурсии по Неве, в Петергоф, в ЦПКиО. На той же оси перед входом в главный корпус было задумано создание большого фонтана, украшенного скульптурами детских групп. Другой вход в сад Дворца предполагался со стороны площади. Главный корпус Дворца отводили под отдел отдыха и развлечений. Отдел науки располагался в "Сервизном" зале. Дворцовый корпус с жилыми домами предполагалось переоборудовать для размещения физкультурного сектора. На территории сада, на месте бывшего летнего закрытого театра была запроектирована постройка нового корпуса на 800 мест со

сценической площадкой. Россиевские садовые павильоны используются один как летнее кафе, другой — как павильон для отдыха и чтения. Внутренней отделке Главного корпуса дворца было уделено особое внимание. В левой части цокольного этажа Главного корпуса был запроектирован вестибюль-гардероб. Для этого необходимо было сломать все своды и заменить их постоянными перекрытиями для того, чтобы получить помещение большей площади. Позднейшая пристройка, занимаемая во втором этаже зимним садом, а в нижнем этаже служившая крытым подъездом, закрепляется и превращается в холодный вестибюль. По оси нового холодного вестибюля со стороны сада запроектировали двухсветный холл с круговым внутренним балконом на уровне первого этажа. В первом этаже, в левой части корпуса комнаты предназначались для отдела науки (клуб юных географов, математиков и астрономов). Отделка двух комнат отдыха, примыкающих к центральному холлу, была поручена мастерам Палеха на темы сказок А. С. Пушкина и произведений М. Горького. В четырех комнатах правого крыла, отведенных для буфета, запроектирована богатая отделка. В первой из них, выходящей в сад, стены окрашиваются в синий цвет, а

свод покрывается росписью. Роспись была произведена художником А. В. Трескиным. Следующая комната — кафе — отделяется стеклом с введением металла и лепки, на потолке — росписи. Третья комната задумана в виде грота с большим аквариумом и фонтаном у одной стены и с виварием — у другой. Свод и плоскости покрыты росписью, изображающей увитый зеленью трельяж на фоне неба. Последняя комната кафе отделяется натуральным деревом (орехом) со вставкой панно — инкрустацией из разных пород дерева. Залы второго этажа, предназначенные для игр и танцев, целиком сохраняют парадные интерьеры, требующие реставрации, и роспись художника Щербакова. Третий этаж видоизменяется радикально. В левом крыле разбираются переборки и устраивается кинозал на 300 мест. Карнизы и потолок украшаются лепкой, плафон — мягкой росписью. Примыкающие к кинозалу две комнаты — фойе — имеют более простую отделку. Застекленные двери с травлением рисунка на темы животного мира. Темная гостиная отделяется деревом, с небольшими пятнами росписи на штукатурке стен. Зал, находящийся в правом крыле (бывшая церковь), используется для игр и танцев. Он отделяется русскими

самоцветами, и потому в отделке стен планируется широко использовать цветной мрамор с инкрустированными вставками разных пород камней.

“Кабинетские корпуса” Аничковой усадьбы постройки Кваренги отводятся под техническую станцию и сектор художественного воспитания детей. Отделка помещений этих двух корпусов, учитывая их рабочий и учебный характер, предполагалась более простой, без коренной перепланировки. Большой зал — бывший Манежный, планировалось использовать как зал для тенниса и волейбола. Кроме того, во дворце проектировались залы ритмической гимнастики и легкой атлетики. Предусматривалось устройство плавательного бассейна размером 8 x 25 метров с солярием над частью здания. Образующийся внутри дворик можно было бы использовать для игровой площадки с максимальным озеленением. Однако далеко не все задуманное было осуществлено.

В годы Великой Отечественной войны Дворец пионеров неоднократно подвергался бомбардировкам и обстрелам. 8 сентября 1941 года от прямого попадания артснаряда в Главный корпус был разрушен Зимний сад, значительно пострадала кровля.

В парадных залах был размещен гражданский госпиталь, находившийся здесь до 1942 года. В подвале Главного корпуса работал отряд МПВО, охранявший дворец. Девушки-бойцы МВПО предотвратили не одно его возгорание...

В 1944 году комплекс зданий Аничкова дворца, пострадавших в годы войны, был восстановлен.

В начале 1970-х годов коренной реконструкции при сохранении старинных фасадов начала XIX века подвергся бывший Манеж, сооруженный по проекту Л. Руска. Здесь разместился гимнастический зал, устроены спортивные помещения для юных боксеров и фехтовальщиков.

В 1986 году в глубине территории Аничковой усадьбы, на месте разобранного Летнего театра Сада отдыха, по проекту архитекторов И. Б. Ноаха и Н. М. Куликовой было возведено современное здание Театрально-концертного комплекса "Карнавал".

Оно включило в себя два театральных зала, один — большой — на 750 мест и другой — для Театра юношеского творчества на 150 зрителей, с великолепными сценическими площадками, а также репетиционные классы, бутафорские, гримерные, поделочные цеха, просторные театральные вестибюли, рекреации

и кафе. Реконструированный Сервизный корпус соединен галереей с театральным зданием.

Насколько органично вписалось это современное по формам здание из камня и стекла в застройку старинной Аничковой усадьбы? Вопрос спорный. Но очевидно одно — существующий в настоящее время комплекс зданий бывшей Аничковой усадьбы, соорудившийся выдающимися зодчими XVIII—XIX веков, представляет значительный художественный интерес.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ. СИЯТЕЛЬНЫЕ ВЛАДЕЛЬЦЫ

Как уже было сказано, летом 1741 года цесаревна Елизавета Петровна приняла решение о строительстве дворца на углу Невской перспективы и реки Фонтанки.

Однако еще в конце прошлого века бытовало предание, что это решение Елизаветы Петровны было принято лишь в ноябре 1741 года и связано с ее восшествием на престол.

25 ноября 1741 года во втором часу пополудни в распоряжение казарм Преображенского полка, который сменил Астраханский полк, влетели сани. Преображенцы ждали их. В санях были дочь Петра I и граф Воронцов. Царская дочь надела кирасу на платье, встала перед строем и, прокричав: "Солдаты! Ступайте за мной!", — повела гренадеров к Зимнему дворцу свергать правительницу Анну Леопольдовну. Став императрицей, Елизавета Петровна пожелала отблагодарить преображенцев и повелела на месте их штаба соорудить дворец...

Императрица Елизавета Петровна

Ее собственной резиденцией сначала становится четвертый Зимний дворец, построенный

Ф. Б. Растрелли еще для Анны Иоанновны, а с 1754 года — временный деревянный Зимний дворец на Мойке.

В 1757 году Елизавета Петровна пожаловала свой собственный дворец, что у Аничкова моста, со всеми строениями графу Алексею Григорьевичу Разумовскому в день его именин — 17 марта.

Кем же был первый хозяин Аничкова дворца? Про таких, как он, говорили: “Попал в случай”, “Из грязи попал в князи”.

Жил в Черниговской губернии в селе Лемеша Алешка Розум, и был он общественным пастухом. Природа одарила его статью и прекрасным голосом. Убежал от отца, поднявшего на него топор за то, что сын — пастух — осмелился заняться таким непутевым делом, как чтение книг. Проезжавший по тем краям вельможа приметил красивого юношу с замечательным голосом и привез его в Петербург, определив в певчие придворного хора.

Елизавета, еще будучи цесаревной, пленилась красотой и голосом молодого казака. Существует предание, документально не подтвержденное, что в 1742 году они тайно обвенчались в подмосковном селе Перово. Алексей Разумовский был пожалован в графское достоинство.

В книге М. Пыляева "Старый Петербург" дана такая характеристика фавориту императрицы:

"Не имея никакого образования, он обладал широким умом; осыпанный почестями, он не отличался гордостью. Чертами его характера были щедрость, великодушие, но был крут и тяжел на руку в нетрезвом виде".

Приятельница Елизаветы Нарышкина была поражена лицом Разумовского: "Оно было прекрасно. Брюнет, с черной бородой, черты лица крупные, но приятные. Высокого роста, широкоплеч, с остатками неуклюжести от его происхождения и воспитания. Эта неуклюжесть, может быть, исчезнет при заботливости, с какою цесаревна его шлифует, заставляя его, невзирая на его 32 года, брать уроки танцев, всегда в ее присутствии, у француза, ставящего здесь балеты".

По мнению же Екатерины II, Разумовский был одним из красивейших мужчин, каких она видела на своем веку.

Интересное свидетельство находим мы в книге А. В. Манько "Чтения об особах императорского дома": "Она (Елизавета) выпросила себе певчего, но не долго наслаждалась его красивым голосом. Алексей Григорьевич вскоре его потерял. Елизавета сделала его

Граф Алексей Григорьевич Разумовский

бандуристом, а вскоре поручила ему управление одним из своих имений, а затем и двором. Алексей Григорьевич не принимал никакого

участия в перевороте 1741 года, политикой не интересовался.

Во время коронации Елизаветы, Разумовский нес шлейф императорской мантии и исполнял роль обер-шенка.

После коронации он быстро повысился в чинах, и Елизавета пожаловала ему земли в Псковском уезде, Карелии, Крестовский остров, село Перово в Подмосковье и др.

Все малороссийское стало при дворе в моде. На придворных балах появились малороссийские блюда, украинские певчие пели на клиросе, появились придворные бандуристы.

Существует легенда, что после смерти отца Алексей Григорьевич пригласил к себе мать. Можно было представить переполох в Лемешах, когда у дверей Разумихи появился блестящий экипаж с богатыми подарками. Выпив на прощание с соседками по стаканчику, Наталья Демьяновна отправилась в столицу. Приехав в Петербург, мать не узнала сына в блестящем царедворце. Ему пришлось раздеться и родимым пятном доказать, что он ее сын. Ей предстояла встреча и с Елизаветой.

Разодетая по последней моде, Наталья Демьяновна, напудренная, причесанная, нарумяненная для своего представления при дворе, бросилась на колени перед первым большим

зеркалом, увидев в нем свое отражение. Она подумала, что перед ней сама императрица.

Елизавета встретила ее очень радушно. “Благословенно чрево твое!” — воскликнула она в порыве чувств.

Елизавета стремилась поднять престиж своего фаворита. В 1756 году она пожаловала Разумовскому очередное звание генерал-фельд-маршала, хотя малороссиянин долго отказывался. Благодаря, он говорил: “Лиза, ты можешь сделать из меня, что хочешь, но ты никогда не заставишь других считаться со мною серьезно, хотя бы как с простым поручиком”. Значение Разумовского в управлении государством было ничтожным, но при дворе он имел большой вес.

Разумовский никогда не забывал своего скромного происхождения. Как отмечал Казимир Валишевский в своей исторической повести “Дочь Петра Великого”, возведенный в 1744 году в графы, он первый обратил в шутку придуманную ему фантастическую генеалогию потомка княжеского рода.

Интересную запись находим мы в журнале дежурных генерал-адъютантов в царствование Елизаветы. Дежурство генерал-адъютанта и кавалера Бутурлина.

“Мая 22. В Государственную военную коллегию писано: “Ея императорское Величество

Всемиловейше соизволила пожаловать его рейхс-графскому сиятельству, обер-егермейстеру, лейб-кампании капитану поручику, конной гвардии подполковнику и разных орденов кавалеру Алексею Григорьевичу Разумовскому, в подмосковную вотчину Перово, 16 пушек 3-х фунтовых медных с их припасами, коим завсегда в оном Перове и быть безотлучно, которого ея имп. Величество соизволение государственной военной коллегии в исполнении и сообщается”.

Подобно своей покровительнице Елизавете, которая больше заботилась о нарядах, чем о государственных делах, Алексей Григорьевич значительную часть своего времени посвящал туалету. Он первым в России начал носить эполеты, его платье украшали бриллиантовые пуговицы, звезды, ордена. Именины Разумовского всегда отмечались грандиозным балом в Аничковом дворце, где танцевали до упаду, а Елизавета и Алексей Григорьевич были самой красивой парой.

А. Г. Разумовский продержался в милости императрицы до последнего дня ее жизни, с некоторыми колебаниями, никогда, впрочем, не нарушавшими добрых отношений четы. Он никогда не настаивал на своих правах — были ли они освящены церковью или нет — чтобы перечить Елизавете или стеснять ее свободу.

Общепринято мнение, что у Елизаветы и Разумовского не было детей. Хотя есть и другие версии.

А. В. Манько в упоминавшейся выше книге пишет, что иностранцы, жившие в то время в России, в своих мемуарах утверждают, что у Елизаветы Петровны и Разумовского была дочь Августа. При жизни матери она воспитывалась под фамилией Тараканова. Московский историк И. М. Снегирев упоминает о монахине Досифее, как считали, княжне Таракановой. Она появилась в Ивановском монастыре в 1785 году. Была привезена из-за границы и по приказу Екатерины отправлена в монастырь. На содержание Досифеи отпускались большие деньги, но она жила затворницей. В Ивановском монастыре Досифея прожила 25 лет и умерла в 1810 году в возрасте 64 лет. Историк Снегирев присутствовал на похоронах, которые были необычайно пышными.

Досифея похоронена в фамильной усыпальнице Романовых в Новоспасском монастыре. На этих похоронах присутствовал граф В. И. Гудович, женатый на племяннице Разумовского.

Любопытное свидетельство об А. Г. Разумовском оставила Екатерина II, присутствовавшая на панихиде по Елизавете. После панихиды она посетила Разумовского в его

покоях в Аничковом дворце, где он "от чисто-сердечной горести по покойной государыне находился болен": "Он хотел пасть к моим ногам, но я, не допусая его до того, обняла его и обнявшись мы завyli голосом и не могли почти говорить слова оба; я, вышед от него, пошла к себе".

После смерти Елизаветы Алексей Григорьевич доживал свой век в Аничковом дворце.

В Русском биографическом словаре приводится эпизод, не подтвержденный документами, о том, что однажды к нему приехала Екатерина II и предложила титул "Императорского Высочества", но Алексей Григорьевич отказался и в присутствии Екатерины сжег документы о бракосочетании с Елизаветой. Этот эпизод приводит и В. Пикуль в своем романе "Фаворит".

В разное время в Аничковом дворце бывали многие замечательные люди из окружения Разумовского. Это Василий Евдокимович Ададуров, первый русский профессор, Александр Петрович Сумароков, поэт, драматург, директор первого русского регулярного театра; в 1740 году он был адъютантом А. Г. Разумовского.

После переселения в Москву Сумароков дважды приезжал в Петербург (в 1771 и 1777 годах) и оба раза жил во дворце графа А. Г. Разумовского.

А. Г. Разумовского часто навещал Петр III, любивший по вечерам после ужина выкуривать трубку в гостеприимных палатах Разумовского; затем они коротали вечера за картами.

После его смерти все колоссальное состояние графа перешло к брату — Кириллу Разумовскому.

10-летним мальчиком Кирилл был отправлен за границу, в 1746 году вернулся в Россию 18-летним образованным юношей. Он учился в Геттингенском и Берлинском университетах, посетил Италию и Францию.

По возвращении в Россию он был назначен президентом Академии наук, заслужил прозвище “ночного картежника и дневного биллиардиста”.

Три года спустя Кирилл Разумовский был назначен гетманом Малороссии.

Кирилл Разумовский нехотя уехал из Петербурга, но утешился ролью царька в своих владениях. Женился на внучатой племяннице Елизаветы. У них было 11 детей, и вся родословная Разумовских продолжилась по линии Кирилла.

... В 1776 году хозяином Аничкова дворца стал Г. А. Потемкин.

Образ жизни Потемкина расточительностью превосходил все, что только можно вообразить;

расходы на балы и маскарады в Аничковой усадьбе доходили до 20 000 рублей. Вот как об этом вспоминал современник: "8 февраля 1779 года в Аничковом дворце празднество происходило в обширной галерее, обставленной тропическими растениями и множеством благоухающих цветов. Более ста музыкантов с инструментальною, духовою, роговою и вокальною музыкой сопровождали маскарад. Все залы освещены висячими гирляндами, на которых были поставлены свечи. Сверх того — редкие произведения художеств, наполняющие сию пространную галерею, убранство оной делали этот праздник наипотменнейшим. Над столом, устроенным для государыни, красовался монумент в достопамятство города Херсона, воздвигнутого Великою Екатериной. Хозяин дворца в нежно-фиолетовом камзоле, в коротких штанах до колен, в сиреневых чулках с ажурными стрелами, в великолепном парике готовился предстать перед императрицей. Ея Величество изволила с дежурными фрейлинами и кавалерами, в маскарадном платье, предпринять шествие к Его Светлости князю Г. А. Потемкину в его дом, что у Аничкова моста. С ее прибытием начался маскарад. В продолжении оного Ея Величество со знатными особами изволила танцевать, а потом

Григорий Александрович Потемкин

сели играть в карты. В 9 часов было вечернее кушанье в разных комнатах со знатными обоего

пола особами и некоторыми иностранными министрами. При угощении за теми столами находились: Ея Величество, князь Григорий Александрович Потемкин и камер-юнкер Самойлов и еще 15 персон. После стола на исходе 11 часа Ея Императорское Величество, оказав гостеприимцу Высочайшее свое благоволение, изволила отбыть в Зимний дворец".

Уезжая из Петербурга на юг для устройства Новороссийского края, Потемкин продал Аничков дворец купцу Шемякину. Императрица не могла никакими чинами и орденами наградить князя Потемкина, потому что он уже все имел. И она, выкупив Аничков дворец, снова подарила его Потемкину.

В честь взятия Измаила Потемкин устроил во дворце такой бал, какого еще никто не давал в Санкт-Петербурге.

Д. П. Рунич в записках, опубликованных в журнале "Русская старина", так характеризует Потемкина:

"Потемкин, светлейший князь, владел колоссальным состоянием, о чем свидетельствуют принадлежавшие ему некогда Аничковский и Таврический дворцы.

Потемкин был нравственный гигант. Он увеличил блеск царствования Екатерины своими победами и территориальными приобретениями для расширения России.

Он был окружен женами, племянницами генералов, ухаживал за ними, прикидывался влюбленным, исполнял все свои и их прихоти, посылал курьеров в Париж за последними моделями, в Варшаву за башмаками, которые преподносил на праздниках; играл в карты, расплачиваясь, вместо денег, неоправленными бриллиантами, он не знал слова — невозможно — он был одним из лучших украшений короны Екатерины”.

Как уже было сказано выше, после того как светлейший князь переселился во вновь отстроенный Таврический дворец, Екатерина распорядилась устроить в Аничковом дворце Кабинет. Здесь он был и при Павле I. При Александре I Кваренги возводит для Кабинета специальное здание.

С 1809 по 1816 годы Аничковым дворцом владеет великая княгиня Екатерина Павловна.

Дипломат Жозеф де Местр в своих “Петербургских письмах” вспоминал:

“Великая княгиня Екатерина отказалась от Михайловского замка и пришлось отдать ей Аничков, который виден из моих окон и где помещается императорский кабинет. Это особое министерство, в котором сохраняются личные богатства императора и куда поступает 10 миллионов дохода. Дабы переменить

назначения сего дворца и приготовить все для августейшей принцессы, уже потрачены громадные деньги. Находящаяся позади Дворца невозделанная земля, будет превращена в английский парк”.

Екатерина Павловна — пятая дочь Павла I получила блестящее образование, изучала математику, политэкономия, иностранные языки, хорошо говорила и писала по-русски.

Александр I пользовался ее советами, разумными и толковыми. Известен несчастливый роман Екатерины Павловны с князем Багратионом, известно и то, что велись переговоры о сватовстве императора Наполеона к русской великой княжне.

Ходили слухи о том, что Наполеон разводится с Жозефиной за неимением наследника. В Петербурге тоже поговаривали о том, что готовится брак Екатерины Павловны с Наполеоном, и что царская семья долго совещалась по этому поводу, и будто бы Екатерина Павловна сказала: “Я скорее выйду за последнего истопника, чем за этого корсиканца”.

После свадьбы с герцогом Ольденбургским великая княгиня переселилась на жительство в Аничков дворец, который с этого времени стал называться “дворцом Ее Высочества Великой княгини Екатерины Павловны”.

Великая княгиня Екатерина Павловна

Новая владелица была прекрасной художницей и, по всей вероятности, по ее желанию знаменитый декоратор П. Гонзаго написал

несколько фресок, которые еще до 1830-х годов были видны на стенах садовых павильонов. По просьбе Л. Руска генеральному консулу в Париже Лабинскому было поручено закупить ткани на отделку. Мебель изготавливали известные мастера Гроссе и Гамбс. У графа Толстого был куплен камин за 5000 рублей. У бронзового мастера Шрейберга куплена бронзовая люстра за 1300 рублей. Была во дворце и баня, для которой приобретались медные ванны, котлы и прочие принадлежности. Стены украшались живописными работами Щербакова, Скотти, Туричелли, Бевани. Архитектором Руска на возобновление дворца было назначено 154 272 рубля. Внутренняя же отделка Аничкова дворца обошлась в 410 997 рублей. В то же время во дворце работали золотых дел мастера. Некоторые бронзовые вещи были приобретены для украшения Аничкова дворца от частных лиц.

В начале 1812 года во дворце случился пожар, убытки от которого исчислялись в сотни тысяч рублей.

Г. Т. Северцев вспоминал: "Пожарные команды выказали себя молодцами".

Император Александр I оставался на пожаре всю ночь, лично ободряя пожарных, но

отстоять только что отстроенный и стоивший более 800 000 рублей дворец, несмотря на все усилия, было невозможно. 15 градусный мороз, превращавший воду в лед, парализовал всю работу пожарных”.

По выходе Екатерины Павловны замуж во второй раз за герцога Вюртембергского, Аничков дворец поступил в ведение департамента уделов.

1 июля 1817 года в Зимнем дворце состоялось венчание великого князя Николая Павловича и немецкой принцессы Шарлотты, нареченной Александрой Федоровной. Вечером был дан бал, откуда молодые отбыли в Аничков дворец, подаренный великому князю Николаю к свадьбе. Императрица позже напишет:

“Я в первый раз увидела этот прекрасный дворец. Наверху у лестницы император Александр с супругой встретили нас хлебом-солью. Статс-дамы присутствовали при моем раздевании. Мне надели утреннее платье из брюссельских кружев на розовом чехле. Ужинали мы в семейном кругу с некоторыми из старейших приближенных: графом Ламсдорфом, княгиней Ливен и нашими прусскими дамами”.

В первые месяцы после переезда в Аничков дворец великая княгиня брала уроки русского

языка у В. А. Жуковского. В своем дневнике поэт писал: "Я надеюсь со временем сделать уроки (с В. К. Александрой Федоровной) свои весьма интересными. Они будут не только со стороны языка ей полезны, но дадут пищу размышлению и подействуют благотельным образом на сердце. Одним словом, до сих пор чувствую себя совершенно счастливым в своей должности, и счастливым особенно потому, что чувствую себя со всех сторон независимым: извне и внутри души. Честолюбие молчит: в душе одно желание доброго".

А вот запись из дневника В. А. Жуковского от 6 ноября 1817 года: "Урок мой был очень приятен; в моей ученице час от часу открываю более милых, непорочных прелестей сердца. Душа откровенная, до младенчества; ум прекрасный, но еще не напуганный опытом. Я имел удовольствие слышать от нее, что мои уроки ей нравятся".

Однако сама Александра Федоровна, по-видимому, придерживалась иного мнения. Она вспоминает:

"Я принялась за изучение русского языка. Василий Андреевич был слишком поэтичным, чтобы оказаться хорошим учителем. Вместо того, чтобы корпеть над грамматикой, какое-нибудь слово рождало идею — идея заставляла

Великая княгиня Александра Федоровна

искать поэму, а поэма становилась предметом для беседы. Таким образом проходили

уроки. Поэтому русский язык я постигала плохо, несмотря на желание изучать его. Я в продолжение многих лет не имела духу произнести на нем цельных фраз”.

В сентябре 1817 года, возвратившись из Павловска, молодожены Александра Федоровна и Николай Павлович устроили в Аничковом дворце “маскированный” вечер для избранного павловского общества. Вот выдержка из письма фрейлины А. И. Архаровой, участвовавшей в этом семейном празднике: “Маскарад 13 сентября был прелестен. Я веселилась на нем гораздо более, чем ожидала; несмотря на малое число гостей, маскам удалось интриговать отлично. Угадай, кто особенно оживлял общество и восхитительно разыгрывал роль маски? Бьюсь об заклад на тысячу против одного, что ты не отгадаешь! Императрица Елизавета! А великая Княгиня Александра Федоровна явилась в костюме индийского принца. Я начала бал вальсом с Великим князем. Он был восхитителен и говорил мне, что обновляет со мной дом и эту залу, в которой еще никто не танцевал”.

Некоторые исследователи творчества А. С. Пушкина считают, что в одном из вариантов к восьмой главе “Евгения Онегина” поэт дал

Великий князь Николай Павлович

описание подобного маскарада в Аничковом дворце, которые впоследствии проводились очень часто.

“И в зале яркой и богатой
Когда в умолкший, тесный круг
Подобна лилии крылатой
Колеблясь, входит Лалла-Рук,
И над поникшею толпою
Сияет царственной главою
И тихо вьется и скользит
Звезда — харита меж харит.
И взор смешенных поколений
Стремится, ревностью горя,
То на нее, то на царя...”

Зимой 1818 года великий князь Николай Павлович и великая княгиня Александра Федоровна представляли императорскую фамилию в Петербурге, остальные члены царской семьи отсутствовали. И в это время залы Аничкова дворца были открыты для высшего петербургского общества. Сезон балов открылся здесь 15 октября. “Это было событием для нашего Аничкова дворца, — вспоминала Александра Федоровна, — так как это был первый прием в Петербурге, и меня впервые тогда увидели исполняющей обязанности хозяйки дома. Ко мне были снисходительны, очень хвалили наш бал, наш ужин, нашу любезность, это явилось как бы поощрением, которое дало нам охоту принимать. Если сама любишь танцевать, нетрудно угодить всем без особых напряжений”.

В дневнике А. О. Смирновой-Россет содержится описание еженедельных балов в Аничковом: "Приглашалось сто персон: министры, для которых расставлялись карточные столы; дамы — только самые элегантные. Ужинали в час ночи. Государь любил, чтобы поздно танцевали и после все разъезжались. Польку еще не знали, но вальсировали, любили котильон".

Барон М. А. Корф в своих записках отмечал: "Император Николай был вообще очень веселого и живого нрава, а в тесном кругу даже и шаловлив. С самых первых годов его царствования до тех пор, пока позволяло здоровье императрицы, при дворе весьма часто бывали, кроме парадных балов, небольшие танцевальные вечера, преимущественно в Аничковском дворце или, как он любил его называть, в Аничковском доме, составлявшем личную его собственность еще в бытность великим князем. На эти вечера приглашалось особенное привилегированное общество, которое называли в свете *la Societe' d' Anichcov* и которого состав определявшийся не столько лестницей служебной иерархии, сколько приближенностью к царственной семье, очень редко изменялся. В этом кругу оканчивалась, обыкновенно, масленица и на прощанье с нею завтракали, плясали, обедали и потом опять плясали.

В продолжение многих лет принимал участие в танцах и сам государь, которого любимыми дамами были Бутурлина (урожденная Комбурлей), княгиня Долгорукова, и позже жена поэта Пушкина (урожденная Гончарова)".

4 января 1830 года в Аничковом дворце состоялся очередной костюмированный бал по случаю заключения мира с Турцией. Участники должны были "обыграть" свои костюмы перед императорской четой. Чудовищного "Циклопа" изображала молодая Екатерина Тизенгаузен (внучка М. И. Кутузова). Она попросила А. С. Пушкина написать стихи к своему костюму. Пушкин отвечал ей: "Само собой разумеется, графиня, что Вы будете невероятным циклопом. Примите этот плоский комплимент, как доказательство моей полной покорности Вашим приказаниям. Будь у меня сто голов и сто сердец, они все были бы к Вашим услугам. Примите уверения в моем совершенном уважении. А. Пушкин".

"Язык и ум теряя разом,
Гляжу на Вас единым глазом.
Единый глаз в главе моей.
Когда б судьбы того хотели,
Когда б имел я сто очей,
То все бы сто на Вас глядели".

Всего в программе было 17 стихотворений: из них три русских и четырнадцать — по-французски. Екатерина Тизенгаузен с большим успехом прочла пушкинские стихи перед императорской четой.

Придворные балы всегда поражали иностранцев.

Маркиз де Кюстин замечает: "Я видел Венский конгресс, но я не припомню ни одного торжественного раута, который по богатству драгоценностей, нарядов, по разнообразию и роскоши мундиров, по величию и гармонии общего ансамбля, мог бы сравниться с праздниками, даваемыми императором".

"Когда не было балов или официальных приемов, к вечернему чаю императрицы приглашались некоторые сановники и выдающиеся лица петербургского большого света. Государь, обменявшись благосклонными словами с каждым из присутствующих, садился за карты, но иногда устраивалось следующее развлечение, которое государь особенно любил и принимал в нем участие как главное действующее лицо. Из английского магазина во дворец требовались разного рода вещи: золотые и серебряные изделия, статуэтки, малахитовые чернильницы, веера и т. д. Все эти вещи размещались на нескольких столах

в гостиной. Государь садился за небольшой стол, где лежала колода карт. А под каждой вещью вместо номера лежала тоже игральная карта.

— Господа, — обращался к окружающим его царедворцам Николай. — Кто из вас желает купить у меня девятку червей? Славная карточка!

— Я! Я! — слышались отовсюду возгласы.

— А что дадите? — спрашивал государь.

— Двести рублей, — басил граф Виельгорский.

Иногда завязывался между гостями спор, они друг другу не уступали, все набавляя цену. Когда все карты были распроданы, государь лично вручал выигрыши. Вот на такой лотерее в малиновой гостиной был разыгран портрет Жуковского, написанный Карлом Брюлловым. Художники решили выкупить крепостного поэта Тараса Шевченко у помещика Энгельгардта, который запросил за отпускную 2500 рублей. Великое человеколюбивое трио: Брюлов, Жуковский и Виельгорский — все сделали для того, чтобы освободить Шевченко от крепостной неволи¹. Судя по сохранившимся

¹ Петербургские страницы воспоминаний графа Соллогуба с портретами его современников. ТОО "Афина". СПб, 1993 г.

документам, члены царской семьи не очень-то раскошеливались при оплате лотерейных билетов, и собранных денег не хватило до нужной суммы. Пришлось проводить еще одну лотерею для частных лиц.

В 1832 году выпускники Морского кадетского корпуса были представлены в Аничковом императору. Среди них находился и будущий адмирал русского флота Г. И. Невельской.

Любопытно воспоминание бывшей институтки, опубликованное к 100-летию Екатерининского института: "Нас возили в Аничков дворец сдавать последний экзамен по математике, французскому и немецкому языкам, физике и естественной истории. После экзамена мы завтракали и осматривали царские комнаты".

Со времени событий 14 декабря 1825 года император Николай неизменно праздновал их годовщину, считая всегда это число днем истинного своего восшествия на престол.

Все лица, принимавшие прямое или косвенное участие в подвигах достопамятного дня, были собираемы ко дворцу, где или в малой церкви Зимнего Дворца или в церкви Аничкова совершалось благодарственное молебствие, при котором, после обыкновенного многолетия, были возглашены сперва вечная память

рабу божьему Михайлу (Милорадовичу) и всем в день сей за веру царя и отечество убиенным, а в заключение многолетие храброму всероссийскому воинству. Затем все присутствующие допускались к руке императрицы и целовались с государем, как в светлый праздник. В прежнее время в это число бывал всегда и маленький бал в Аничковском дворце...”

А вот еще один факт из хроники Аничкова дворца: 22 января 1839 года состоялась свадьба Марии Трубецкой и А. Г. Столыпина. Венчание происходило в церкви Аничкова дворца. Всего было 16 приглашенных. Среди них — родственник со стороны жениха Михаил Юрьевич Лермонтов.

После пожара Зимнего дворца в декабре 1837 года император на все время реставрации переселился в “свой собственный”. Он был лучше приспособлен для тихой семейной жизни.

Любопытные подробности о жизни в Аничковом дворце сообщает А. О. Смирнова-Россет:

“Мы, фрейлины, жили в Аничковском Дворце в третьем этаже, его называли чердачным. Нам, т. е. Эйлер и мне, дали три комнаты, она спала за перегородкой, а я по ту сторону перегородки, потом была гостиная. Мы имели

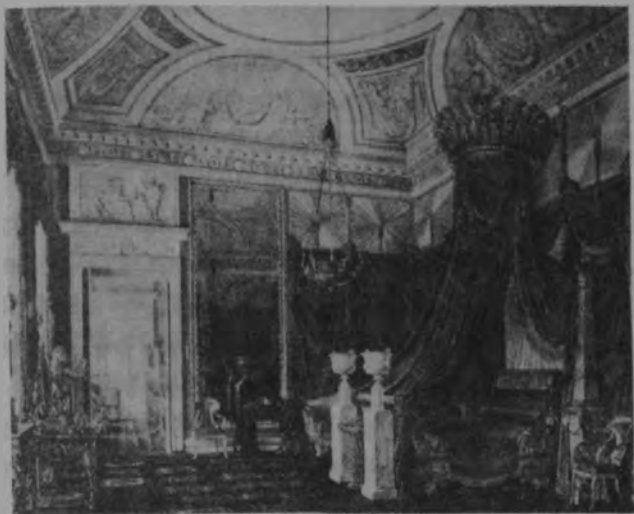

Фото с акварели Э. Гау.
Парадная спальня. XIX век

клавикорды и играли в четыре руки. Из моих окон я могла заглядывать в кабинет императрицы.

Мы делали свой туалет в спальне за перегородкой. С ног до головы мылись холодной водой с одеколоном, сами причесывались и очень хорошо делали свои букли, на босу ногу в капотах у открытой форточки садились пить чай...”

Император Николай I особенно любил Аничковский дворец и, в отличие от других дворцов, называл “своим собственным”, говоря, что он провел в нем “счастливые и лучшие годы своей жизни”.

“Если у тебя кто-нибудь спросит, — говорил Николай Павлович, еще будучи великим князем, одному из своих приближенных, в каком уголке мира скрывается истинное счастье, сделай одолжение, пошли этого человека в Аничковский рай”.

“Аничков — это рай на земле: есть много званых в царство божие, а в царстве царевом в Аничковом — лишь сто избранных персон”, отмечала в своем дневнике фрейлина императрицы, наблюдательная А. О. Смирнова-Россет.

В 1839 году в Зимнем дворце было торжество по случаю восстановления его после пожара. В тот же день перенесены были торжественно из Аничкова дворца в обновленный Зимний знамена и штандарты гвардейских полков. Императорский флаг, знаменующий присутствие государя в столице и поднятый после пожара на Аничковском дворце, с этой же достопамятной ночи развился опять над Зимним.

По переезде в Зимний дворец император Николай I каждый год по несколько раз на довольно продолжительное время переселялся в Аничковский дворец с августейшим семейством. На первой и Страстной неделе он говел и причащался в дворцовой церкви

“с высочайшей фамилией”, здесь же он нередко назначал крещение младенцев, которых сам воспринимал от купели, и бракосочетания знатных особ, которых желал почтить своим присутствием. Когда не было певчих (обыкновенно во дворце пел хор певчих Егерского полка), император Николай I сам участвовал с псаломщиками в пении литургии.

Особое место в летописи Аничкова дворца занимает пребывание в нем В. А. Жуковского и А. С. Пушкина.

Василий Андреевич Жуковский принадлежал к блестящей плеяде деятелей русской культуры. Поэт, переводчик, знаток и ценитель искусств, талантливый художник и гравер, он был привлечен на службу при дворе и имел квартиру в Аничковом дворце.

26 марта 1820 года Пушкин, закончив поэму “Руслан и Людмила”, поспешил к своему другу Жуковскому в Аничков, где и прочитал ему последние главы поэмы. В знак выигранного поэтического соревнования Жуковский подарил двадцатилетнему Пушкину свой портрет с волнующей надписью: “Победителю ученику от побежденного учителя в тот высокопраздничный день, в который он окончил свою поэму “Руслан и Людмила”. 1820 г., март 26. Великая пятница”.

А. С. Пушкин бывал в Аничковом и позже, в 30-е годы. Однажды, при содействии фрейлины императрицы княгини Загряжской на бал в Аничков дворец была приглашена Наталья Николаевна Пушкина. Первая петербургская красавица пленила общество и самого императора Николая I. Для того, чтобы сделать посещение царских балов для четы Пушкиных обязательным, поэту было пожаловано придворное звание камер-юнкера. Это звание присваивалось юношам 18—20 лет, а Пушкину было 34.

“Государю неужгодно было, что о своем камер-юнкерстве отзывался я не с умилением и благодарностью. Но я могу быть подданным, даже рабом, но холопом и шутом не буду и у царя небесного” — такова была реакция поэта на присвоение ему придворного звания. Из дневника Пушкина 1834 года: “Великий князь намедни поздравил меня в театре с назначением. Покорнейше благодарю, Ваше Высочество: до сих пор все надо мной смеялись — Вы первый поздравили”.

Недоразумение со званием камер-юнкера, обидевшее поэта, все же следует принимать на счет его вспыльчивости и ранимости. Титул камер-юнкера был у В. А. Жуковского и у Ф. И. Тютчева — это обеспечивало при дворе

достаточно почетное место. Другое дело, что Пушкин знал себе цену, а император этой цены не знал. 26 января 1834 года: "В прошедший вторник зван я был в Аничков. Приехал в мундире. Мне сказали, что все гости во фраках. Я уехал, оставив Наталью Николаевну на балу, а переодевшись, отправился на вечер к Салтыковым. Государь был недоволен и несколько раз принимался говорить обо мне: "Он мог бы надеть фрак и возвратиться! Попеняйте ему". На придворных балах Пушкину бывало просто скучно. Стоя как-то возле Л. Д. Шевич, он, позевывая и потягиваясь, сказал два стиха из старинной песни:

"Неволя, неволя, боярский двор — стоя наешься, сидя наспишься".

"Он всегда-то на балах вел себя так, точно отбывал повинность, будто попал совсем не в свое общество. Наташа видела, что нравится Николаю I, и боялась этого. Была с ним приветлива, но холодна. Какую же душевную силу, какой же разум нужно было иметь, чтобы держать такого поклонника, как царь, на расстоянии". (А. А. Кузнецова. Моя мадонна. Москва, Сов. писатель, 1984 г., стр. 246.)

Умная и проницательная современница Дарья Фикельмон, жена австрийского посланника, замечала в своем дневнике: "Поэтическая

красота госпожи Пушкиной проникает до самого моего сердца. Есть что-то воздушное и трогательное во всем ее облике. Эта женщина не будет счастлива, я в этом уверена. Она носит на себе печать страдания”.

Свои впечатления о Пушкине и Наталье Николаевне в Аничковом дворце оставила недоброжелательница поэта М. К. Мердер в своих “Листках из дневника”:

“На балу я не танцевала.

В мрачном молчании я восхищенно любовалась госпожою Пушкиной! Какое восхитительное создание! Минуту спустя я заметила проходившего А. С. Пушкина.

Какой урод!

Барон Д'Антес танцевал мазурку с госпожою Пушкиной — как счастливы они казались в эту минуту!

Пушкин, несомненно, великий поэт. Не знаю, представляет ли он из себя еще что-нибудь! О нем говорят, как о человеке грубом! Но кто в конце концов не грубит? Особенно, когда ты имеешь глупость жениться на писаной красавице, будучи столь некрасивым.

Весь свет восхищался поступком Дантеса, так как он ради любимой женщины, для спасения ее чести, женился на нелюбимой Екатерине”.

А вот еще одно свидетельство — из дневника А. Н. Вульфа:

“Я было и забыл заметить также, что удостоился я лицезреть супругу А. Пушкина, о красоте коей молва далеко разнеслась. Как всегда это случается, я нашел, что молва увеличила многое. Самого же поэта я нашел мало изменившимся от супружества, но сильно негодующим на царя, за то, что он одел его в мундир...”

С Аничковым дворцом связаны самые трагические дни в жизни поэта.

23 ноября 1836 года в четвертом часу пополудни поэт Александр Пушкин был принят императором Николаем I в его личном кабинете. Он дал слово царю не драться на дуэли с Дантесом ни под каким предлогом и поставить Николая I в известность в случае обострения конфликта с семейством Геккернов.

После смерти А. С. Пушкина его вдова с детьми, проведя два года в имении “Полотняный завод”, вернулась в Петербург. По настоянию своей тетушки, фрейлины Е. И. Загряжской, Н. Н. Пушкина постепенно возобновила посещения высшего петербургского света.

Ее дочь, А. П. Арапова, в своих мемуарах приводит эпизод, происшедший в Аничковом дворце, на интимном костюмированном балу. Получить приглашение на такой бал было уже знаком высочайшей милости, которой многие тщетно добивались.

Н. Н. Пушкина была одета “в древнебиблейском стиле”, длинный фиолетовый бархатный кафтан, почти закрывавший широкие палевые шальвары, на голове — покрывало из легкой белой шерсти.

Николай I был восхищен, а императрица пожелала иметь портрет Н. Н. Пушкиной в своем личном альбоме. Тотчас после бала придворный живописец написал акварелью портрет Натальи Николаевны. Однако никто из детей Н. Н. Пушкиной его не видел. Сама же Наталья Николаевна считала портрет самым удачным своим изображением.

* * *

В Аничковом дворце прошло детство Александра Николаевича — первенца и наследника Николая I. Николай очень любил сына, гордился им, готовил к военной службе.

Баронесса Медем вспоминает: “В 1821 г. мой отец — наставник великого князя — повез

меня после выпуска из Екатерининского института в Аничков, чтобы представить Николаю Павловичу. Николай разбудил трехлетнего сына и заставил его под барабан маршировать по гостиным, говоря при этом: "Солдат должен быть готов всегда и везде в любое время".

14 декабря 1825 года Николай Павлович, вернувшись с Сенатской площади, срочно послал экипаж в Аничков дворец за сыном.

Его застали за раскрашиванием литографической картинки, изображавшей переход Александра Македонского через реку Граник. Мальчика посадили в карету и в сопровождении К. К. Мердера повезли к крыльцу Зимнего дворца со стороны набережной. Семилетнему наследнику впервые надели Андреевскую ленту. Отец-император, взяв сына на руки, вынес его во двор к Саперному батальону и передал на руки заслуженным старым солдатам. Гвардейские офицеры-саперы восторженно приветствовали наследника престола, и в тот же день император назначил его шефом Павловского полка.

Обстановка, в которой проходило детство наследника, была проста. Николай I говорил, что его задача — воспитать в сыне прежде всего человека. Для этой цели в наставники

Цесаревич Александр Николаевич

наследнику он выбрал поэта В. А. Жуковского. К своему высокому званию наставника будущего царя России Жуковский решил

основательно подготовиться. Он испросил у государя отпуск за границу и в течение года усиленно готовился. По его мысли, все воспитание и образование должно быть направлено на укрепление в наследнике престола добродетели, чтобы он мог дать ответы на те вопросы, которые встают перед каждым человеком: что он есть сам, чем он должен быть как человек и, наконец, к чему он предназначен. Главное — это просвещение, которое состоит из разносторонних знаний, соединенных с нравственностью. План Жуковского был утвержден Николаем. Реализуя свою программу обучения, Василий Андреевич приглашал лучших учителей того времени. Генерал-адъютант Карл Карлович Мердер был приглашен к Александру в качестве главного воспитателя. С этого момента он отдал делу воспитания наследника все свое время, отдых и досуг, принимая участие во всех детских играх и не оставляя его без надзора ни днем, ни ночью.

К. К. Мердер ставил себе задачу слиться душою с юным великим князем и сделаться его истинным другом. Приучая видеть в нем не начальника, а ласкового и веселого товарища, он добился от ребенка величайшей откровенности; в привычку Александра вошло вечером перед молитвою рассказывать Карлу

Карловичу обо всем, что делал и думал в течение дня, без утайки, чистосердечно, как на исповеди.

Многие выражали опасение, что без строгости и наказаний Мердер погубит ребенка.

Но родители поддерживали гуманный метод воспитания. Карл Карлович пользовался уважением и любовью своих помощников, особенно дружественные отношения сложились у него с В. А. Жуковским.

Сам Василий Андреевич преподавал детям русский язык, общую грамматику, начальные понятия по физике и химии.

В своих занятиях он неизменно держался следующего правила:

— лучше мало, но хорошо, чем много, но худо;

— мы не гонимся за блестящими успехами, и должны сообщить ученику ясные понятия в последовательной связи и приложить их к знаниям.

Особое значение придавал В. А. Жуковский естественным наукам как подготовительной ступени для правильного понимания истории.

Им были сформулированы основные правила будущего монарха:

"1. Уважай закон и научи уважать его своим примером. Закон, пренебрегаемый царем, не будет храним и народом.

2. Люби и распространяй просвещение — оно подпора благонамеренной власти.

Народ без просвещения — народ без достоинств, из слепых рабов легче сделать свирепых мятежников, нежели из подданных просвещенных, умеющих ценить благо порядков и законов.

3. Уважай общее мнение. Оно часто бывает просветителем монарха, оно помощник беспристрастности, судьба исполнителей его воли. Общее мнение всегда на стороне правосудного государства.

4. Люби свободу, т. е. правосудие, ибо в нем и милосердие царей, и свобода народов, свобода и порядок одно и то же. Любовь царя к свободе утверждает любовь к повиновению в подданных.

5. Властвуй не силою, а порядком: истинное могущество государя не в числе его воинов, а в благоденствии народа.

6. Будь верен слову. Без доверенности нет уважения, неуважаемый бессилен.

7. Окружай себя достойными помощниками: слепое самолюбие царя, удаляющее от него людей превосходных предаёт его на жертву корыстолюбивым царям, губителям его чести и народного блага.

8. Уважай народ свой, тогда он сделается достойным уважения.

9. Люби народ свой, без любви царя к народу нет любви народа к царю.

10. Не обманивайся насчет людей и всего земного, но имей в душе идеал прекрасного — верь добродетели”.

Александр учился вместе с двумя сверстниками. Для оценки знаний были изготовлены деревянные ящики и шары.

За хороший ответ в ящик опускался белый шар, за плохой — черный. В конце недели подводились итоги. У кого оказывалось больше белых шаров, тот получал право истратить определенную сумму на благотворительные цели.

Режим дня наследника:

подъем в 6 часов утра, молитва, завтрак; 7—12 — классы; 9—10 — отдых; 2 часа прогулки и обед; 17—19 — классы; 19—20 — гимнастические игры; 20 — писание дневника.

Занятия проходили в учебных классах Зимнего дворца, но наследник часто посещает и Аничков.

Из дневника К. К. Мердера: “3 марта 1819 года. После обеда мы пошли пешком в Аничковский дворец. Катались с ледяных гор в обществе друзей. После обеда снова вернулись туда и, пользуясь хорошей погодой, оставались до 6 часов.

24 февраля 1829 года, воскресенье. После обеда я пригласил всех молодых людей для катания с гор. Мы прибыли туда в 3 1/2 часа и катались до 7 вечера. Горы были освещены, и все очень веселились.

10 апреля 1829 года. В 9 часов отправились в Аничковский дворец к заутрене, в 6 часов снова пришли сюда к вечерне.

12 апреля 1829 года. Вечером, после чаю, были в Аничковском дворце, где в первый раз в нынешнем году прыгали на сетке".

После общего образования М. М. Сперанский в течение двух лет знакомил наследника с наукой законодательства и управления государством. Александр II совершил путешествие по России в сопровождении Жуковского. Затем состоялась длительная поездка за границу.

17 апреля 1841 года Аничков дворец был подарен Александру Николаевичу в день его бракосочетания.

В своем завещательном акте Николай I особо оговорил права Александры Федоровны на пользование Аничковым дворцом:

"...желаю однако, чтобы жене моей предоставлено было пользоваться покоем в Зимнем Дворце, на Елагином острове и в новом Дворце в Царском селе. Кроме того, хотя по

праву наследства Аничковский (Николаевский) Дворец принадлежать должен старшему сыну, но по жизнь предоставляю пользоваться оным жене моей, если ей сие угодно”.

27 ноября 1866 года после бракосочетания великого князя Александра Александровича с датской принцессой Дагмарой, нареченной Марией Федоровной, супруги поселились в Аничковом. Как уже говорилось, дворец постепенно подвергался изменениям соответственно вкусу хозяев. Составление смет и производство работ было поручено архитектору Э. И. Жиберу, позднее к работе были привлечены И. Монигетти и М. Месмахер. Парадная лестница оделась в мрамор, на стенах — картины и всякие редкости. Были заказаны синопские ковры, появилась стильная мебель, плафоны расписаны профессором Гунале, они изображали Ночь, исчезнувшую с появлением Авроры.

Отделана роскошная библиотека и кабинет, две залы для музея. Музей очень интересовал великого князя. Он постепенно наполнялся работами выдающихся художников. И. Монигетти устроил разборный изящный театр в большой приемной зале. Декорации писались художником Бочаровым, а стены покрывались дорогими гобеленами. Домовая церковь

была заново отделана тем же И. Монигетти наподобие базилики, а иконостас был заказан в Москве профессору Сорокину. М. Месмахер перестроил верхний этаж, расширил парадные крылья, увеличил помещение большой залы с примыкающим к нему зимним садом. Малая столовая изменила свой вид. Одна стена — изящное датское панно, сервизная комната обогатилась серебром. Позже, в конце 1890 года, дворец осветили электричеством, для производства которого построили капитальный павильон — последнее слово науки, а над домовою церковью заблистал позолотой православный купол. Главный подъезд был со двора. У ворот — почетный караул: из двух часовых — во время пребывания высочайших особ, в их отсутствие — по одному.

Во дворце устраивались семейные музыкальные вечера. Сам наследник престола играл на флейте и очень охотно принимал участие в оркестровом исполнении разных музыкальных произведений. У себя дома Александр III был на редкость гостеприимным хозяином.

Александр III был по характеру русским человеком с головы до ног, русский духом и телом. Он любил русское искусство, был почетным покровителем художников. Кабинет

ежегодно выделял 20 000 рублей Академии художеств для закупки картин для музеев. Художники И. Е. Репин, В. Д. Поленов, В. М. Васнецов щедро оплачивались. Поощрялись и художники-передвижники.

Александр III обладал огромной работоспособностью и необычайной физической силой. Он сгибал рукой железные подковы и серебряные тарелки. Это был человек решительный, имевший определенные симпатии и антипатии и твердую, целенаправленную волю. Приняв решение, он ложился в постель и крепко засыпал. Ненавидел все показное и считал, что истинно русский человек должен быть прост в поведении, манерах, еде, речах и одежде.

Александр III господствовал в своей империи. Даже когда царь собирал маленький камерный оркестр, он господствовал и здесь, исполняя свою партию на флейте. Стремился управлять огромной империей единолично, что требовало от него огромного напряжения сил и энергии. Он вставал каждое утро в 7 часов, умывался ледяной водой, одевался по-крестьянски, варил себе кастрюлю кофе и садился за рабочий стол.

С. Ю. Витте в своих мемуарах пишет: "По наружности Александр III походил на большого русского мужика из центральных губерний,

Александр III с семьей

к нему больше всего подошел бы костюм: полушубок, поддевка и лапти, и тем не менее он обладал наружностью, в которой отражался его громадный характер, прекрасное сердце,

благодушие, справедливость и вместе с тем твердость.

Если бы не знали, что он император, и он вошел бы в комнату в каком угодно костюме, несомненно все бы обратили на него внимание. Поэтому меня не удивляет замечание императора Вильгельма: "Завидую самодержавной царственности в фигуре Александра III". Александр III был благороднейший, честнейший человек и монарх.

У императора был удивительно простой ум, он не признавал никаких осложнений. Все, что не являлось ясным, определенным, твердым, с его точки зрения бесспорным, он не признавал. Все, что выходило из его ума, из его души, было просто, ясно, чисто. В этом заключается его сила, которая всех приводила в некоторое смущение, и эта же сила, заставляла тех лиц, которые к императору приближались, ему поклоняться.

Император Александр III вследствие крайней скромности своей натуры ужасно не любил больших комнат, вообще комнат дворцовых, поэтому он так и не переехал в Зимний Дворец и все свое царствование жил в Аничковом Дворце, а затем в Гатчине. В этих Дворцах он всегда занимал маленькие комнаты и жил совершенно просто.

Кабинет императора Александра III

Дворцовую роскошь он переносил, как показную, искал же он всегда совсем другой жизни и устраивал себе такую жизнь и во Дворцах”.

Далее Витте замечает:

“Его гигантская фигура, представлявшая какого-то неповоротливого гиганта с крайне добродушной физиономией и бесконечно добрыми глазами, внушала Европе, с одной стороны, как будто бы страх, а с другой недоумение:

Что это такое? Все боялись: что если вдруг это гигант да гаркнет!”

В своих мемуарах великий князь Гавриил Константинович вспоминает:

“Тетя Минни¹ пригласила нас завтракать в Аничков Дворец. Швейцар и прислуга, бывшие на подъезде, очень приветливо меня встретили. Меня подняли на подъемной машине на 2 этаж. Я вошел в гостиную, очень большую. Императрица была со мною, как всегда, очень любезна. Мы сидели подле стеклянного шкапа, в котором стояли китайские фигуры из какого-то зеленого камня. Мария Федоровна мне сказала, что эти фигуры подарил ей состоявший при ней покойный

¹ Минни — Мария Федоровна.

Личный музей Александра III

князь Н. Д. Оболенский. По-русски она говорила хорошо, почти без акцента. Мы завтракали в столовой, рядом с кабинетом Александра III, в котором он принимал доклады министров. Сам он занимался наверху, в маленькой комнате, рядом с уборной императрицы. Александр любил маленькие и низкие комнаты, хотя сам был громадного роста. Рядом со столовой была уборная Александра III, посреди которой стояла вешалка, на которой висел его сюртук”

Большое внимание Александр III уделял воспитанию своих детей. Император инструктировал учительницу:

“Ни я, ни Великая княжна, не желаем делать из детей оранжерейных цветов.

Они должны хорошо молиться Богу, учиться, играть, шалить в меру. Учите хорошенько, потачки не давайте, спрашивайте по всей строгости законов, не поощряйте лени в особенности. Если что, то адресуйте прямо ко мне, а я знаю, что нужно делать, повторяю, мне фарфора не нужно, мне нужны нормальные, здоровые русские дети”.

Император Александр III более 25 лет прожил в Аничковом дворце, появляясь в Зимнем только в исключительных случаях. Мария Федоровна была наделена талантами,

Личный музей Александра III

помогавшими ей в положении императрицы. Из воспоминаний министра иностранных дел Извольского: "Это была женщина чарующая и бесконечно добрая. Она смягчала своей приветливостью и озаряла своим сиянием царствование императора Александра". На груди у нее умещалось трижды обернутое вокруг шеи драгоценное ожерелье из 218 жемчужин, каждая с виноградину. На зимнем бале 1894 года она появилась рядом с царем в шитом серебряном платье, блистая бриллиантовыми украшениями, со своей знаменитой бриллиантовой тиарой на голове. Эти драгоценности, принадлежавшие императрице Марии Федоровне, были проданы уже после ее смерти. Часть их купила королева Мария Английская. Ее внучка — нынешняя королева Елизавета II — носит наряду с другими украшениями тиару и бриллиантовое кольцо, когда-то принадлежавшее жене русского императора Александра III — Марии Федоровне.

"Я должен сказать, — вспоминал А. Н. Бенуа, после посещения императором и императрицей одной из художественных выставок в 1892 году, — я вообще был очарован императрицей. Даже ее маленький рост, ее легкое шепелявинье и не очень правильная русская речь, нисколько не вредили чарующему

Кабинет Марии Федоровны

впечатлению. Напротив, как раз этот легкий дефект в произношении вместе с ее совершенно явным смущением придавал ей нечто трогательное, в чем, правда, было мало царственного, но что зато особенно располагало к ней

сердце. Одета государыня всегда была очень скромно, без какой-либо модной вычурности, и лишь то, что лицо ее было сильно нарумянено, выдавало известное кокетство. Отношения супругов, их взаимное внимание также не содержали в себе ничего царственного.

Для всех было очевидно, что оба все еще полны тех нежных чувств, которыми они возгорелись четверть века назад.

Характерно еще, что во время осмотра выставки государь несколько раз подходил к жене, желая обратить ее внимание на то, что ему понравилось..."

Поскольку царь был поглощен работой, Мария Федоровна воспитывала и опекала детей, наблюдая за их обучением, давала советы и была поверенной их тайн. Часто ей приходилось играть роль буфера между детьми и сильным грубоватым отцом.

Главным центром интересов и забот Марии Федоровны был ее старший сын, который с 1881 года являлся наследником престола.

Николай до самого конца жизни испытывал глубокое уважение и любовь к "душке-мамá", которая тоже всегда относилась с большой нежностью к своему милому "Ники". После смерти Александра III двор Марии Федоровны и окружавшие ее лица довольно долго

пользовались влиянием в сановных кругах, так как молодой император постоянно просил совета у матери.

Об атмосфере жизни и событиях, происходивших в Аничковом дворце, мы узнаем из камер-фурьерских журналов. Записи в них дают любопытный материал о быте и укладе жизни царской семьи.

Генерал А. А. Мосолов, автор мемуаров "При дворе последнего императора", писал: "Считаю нужным пояснить, что такое камер-фурьерский журнал.

В него записывались все приемы и выезды как царя, так и царицы, и все времяпрепровождение их величеств во дворцах. Журналы эти велись в трех экземплярах. Один каждое утро клался на письменный стол императора в запечатанном конверте, второй, также запечатанный, посылали министру двора, третий же хранился в особом железном ящике у камер-фурьера. Они считались весьма секретными".

Итак, полистаем камер-фурьерский журнал.

"4 февраля 1883 г.

Бал.

Кавалеры: военные в обыкновенной форме, статские в мундирах, фраках и лентах.

Съезд гостей в 9.30. Собирались во второй приемной комнате и танцевальной зале.

В 10 часов выход их Величеств и начало танцев.

С рук подавался чай и напитки.

В 12.30 гости проходили к вечернему столу. После ужина снова продолжались танцы до $\frac{1}{4}$ 4-го часа.

Украшение в Голубой гостиной собственного стола бронзовые в русском стиле конделябры и Никольская позолота с живыми цветами.

В желтой комнате 4 круглые стола, на них живые цветы.

В большой столовой восемь круглых столов — хрусталь и цветы.

В первой приемной 4 стола.

Во второй — 3 стола.

В малой столовой — длинный стол на 18 персон с живыми цветами.

В музее 2 стола на 12 персон с цветами.

В садике буфет чайный и прохладительные напитки, украшение банкетное серебро с цветами.

В танцевальной зале, устроенная баллюстрада для музыкантов была убрана растениями и живыми цветами. В библиотеке и желтой комнате ставились карточные столы. Музыканты бальные, во время ужина придворные.

На лестнице ставились 8 егерей и жокеи в парадной форме.

Всего на балу 252 человека.

7 января 1884 года.

В три часа. Их Величество изволили с государем наследником и Великим князем Георгием Александровичем иметь выход в манеж дворца, где им представлены были оренбургские казаки, прибывшие в конном строю.

12 февраля 1884 года.

Их Величествам имели счастье представиться семейство самоедов Тобольской губернии, состоящее из 4 человек, причем поднести имели счастье различные сибирские меха.

14 марта 1886 года.

Прием посла от Бухарского эмира с лицами его свиты, который прибыл с различными подарками Их Величествам, в числе которых находилось 7 лошадей.

1 апреля 1888 года.

Были представлены Их Величествам и наследнику в Голубой гостиной депутация от бурят Забайкальской области, в том числе врача Тибетской медицины Бадмаева. Предподнесены в дар местной работы кочевников кинжал в серебряной оправе, фигуры для шахматной доски и покрывало с балдахином, выполненное из шитой золотом китайской материи, доставшейся бурятам из Дворца с трона китайского богдыхана".

Любопытные штрихи к быту Аничкова дворца добавляют меню. Вот одно из них от 12 октября 1886 года:

“Обед
Суп из дичи
Пирожки
Стерляди по-русски
Филей с гарниром
Холодное заливное из каплунов
Пунш
Жаркое: тетерева и фазаны
Саладъ
артишоки и горошек
Горячее сладкое и мороженое”.

Разрозненные сведения о жизни Аничкова дворца находим мы в дневниках великих князей.

Так, великий князь Константин, знаменитый поэт “К.Р.”, вспоминает:

“Бал в Аничковом 26 января 1889 г. был очень своеобразным, с дамами во всем черном. На них бриллианты сверкали еще ярче. Мне было не то весело, не то скучно”.

Из книги воспоминаний великого князя Александра Михайловича:

“Четверть пятого я входил в ограду вестибюля Аничкова дворца. Взглянув на рослого гвардейца, стоявшего на часах, я покраснел. Мне казалось, что все уже знают о моем счастье.

Чтобы не видеть казачка при подъемной машине, я стал медленно подниматься по длинной лестнице.

Гоф-фурьер Ксении Александровны сидел на стуле и читал газету. — Доложите, пожалуйста, обо мне Ее императорскому Высочеству. Он улыбнулся и повел меня в салон великой княгини. Еще вчера мы пили веселой компанией чай в этой чудесно обставленной комнате, но сегодня мне уже все казалось другим. Я стоял и смотрел на дверь в спальню Ксении. И вдруг она вошла с опущенными глазами в простой белой шелковой блузе и синей юбке. Пойдем к папа и мама, сказала Ксения. Будь осторожней с мама. Она еще сердится...

Стараясь выглядеть не рассержанной, императрица поцеловала меня и сказала: Я не должна была бы тебя целовать. Ты ведь отнимаешь у меня дочь...

Император приветливо кивнул мне. Александр III отдал приказание прислуге предупредить всех членов Императорской фамилии о том, что сегодня в половине девятого состоится обед, на котором будет объявлено о нашей помолвке".

При Александре III во дворце бывали известные писатели и художники.

Так, 16 декабря 1880 г. по приглашению К. П. Победоносцева Аничков дворец посетил Ф. М. Достоевский. Ранее он уже читал отрывки из "Братьев Карамазовых" в Мраморном дворце, у вел. князя Константина. Тогда на чтении присутствовала и великая княгиня Мария Федоровна.

В Аничковом их высочества Александр и Мария Федоровна встретили знаменитого писателя очень любезно. Вероятно, это был единственный посетитель дворца, совершенно не знавший придворного этикета. Он первым начинал разговор, вставал, прохаживался и покинул комнату, повернувшись спиной к высочайшим особам.

Однако будущий император Александр III не обиделся на это и впоследствии говорил о Достоевском с уважением и симпатией.

Но если у Достоевского в последний год его жизни установились вполне теплые отношения с наследником и его супругой, то визит в Аничков Софьи Андреевны Толстой носил совсем другой характер.

В 1891 году в Ясной Поляне стало известно, что в Петербурге арестован XIII том сочинений Л. Н. Толстого, и 12 марта Софья Андреевна записала в дневнике: "Еду в Петербург хлопотать".

В апреле 1891 г. в Аничковом дворце ее принял император Александр III. С. А. Толстая впоследствии вспоминала: "Скороход побегал по крутой лестнице, обитой ярко-зеленым очень некрасивым ковром, наверх. Я за ним".

Император напомнил жене писателя, как "много ересей возникает в простом народе" и как вредно на него действует влияние Толстого, который "отстал от церкви".

Л. Н. Толстому поездка жены в Петербург была не по душе. Он расценил ее как заискивание.

... После смерти супруга, императора Александра III, в 1894 году Мария Федоровна осталась жить в Аничковом. По закону вдовствующей императрице полагалось содержание в 100 000 рублей в год. Однако Николай II, взойдя на престол, объявил матери, что он оставляет в ее пользовании Аничков дворец и все расходы на содержание двора матери принимает на свой счет. Это решение стоило Министерству двора немало денег, весьма увеличив расходы на содержание императорской фамилии.

В Аничковом дворце прошли детство и отрочество Николая II.

Осенью 1875 года заниматься воспитанием и начальным образованием двух сыновей наследника великих князей Николая и Георгия была приглашена Александра Петровна Олленгрэн.

Первому в ту пору было 7 лет, второму — 5. Александра Петровна вместе со своим младшим сыном, которому тогда было около 8 лет, поселилась в Аничковом дворце. Сын ее рос вместе с наследником и занимался с ним в одном домашнем классе.

Он вспоминает: “Детская половина располагалась в бельэтаже. В коридоре было много дверей и печных заслонок, поражала удивительная чистота.

Квартира наша из трех поместительных комнат: гостиная, столовая и спальня. Мебель была хорошая (полушелковая). Освещение комнат, у нас, как, впрочем, и во всем дворце было масляное. Лампы были необычайно занятные и затейливые, с каким-то механизмом, похожим на часовой. Масло наливалось душистое, и в комнатах всегда стояло “амбре”.

Каждое утро приходил ламповщик и заряжал лампы.

Игровая комната Великих князей волшебная. Во-первых, по полу идет железная дорога, маленькая, но настоящая с тремя классами

Его Императорское Высочество Великий Князь Николай Александрович.
(с фотографии А. Левицкого, рис. на дер. Н. И. Соколов; гравировал Л. А. Серяков).

Великий князь Николай Александрович
(с фотографии А. Левицкого, рис. на дер.
Н. И. Соколов, гравировал Л. А. Серяков)

вагонов, стоят полки солдат с киверами,
с касками, казаки в шапках, а вот лошади

с гривами, верблюды с горбами, а вот Петрушка, вот медведь, вот Иван-дурак в клетчатых брюках, барабан, ружья в козлах трубка с кисточкой, гора песку”.

Владимир Олленгрэн рассказывал, что он и наследник крепко подружились, вместе делали снежных баб в саду, играли в снежки, боролись на снегу, залезали на деревья в Аничковом саду и плевали на прохожих.

Николай с братьями и сестрами воспитывался согласно воле отца в спартанской суровости. Дети спали на простых солдатских койках с жесткими подушками, утром принимали холодную ванну и ели кашу на завтрак. В обед, когда они встречались с родителями, было много еды, но детям подавали в самую последнюю очередь, после всех гостей.

Николай получил домашнее образование. Учебные занятия были распределены на 12 лет. Первые 8 лет — гимназический курс с заменой классических языков элементарными основами минералогии, ботаники, зоологии, анатомии и физиологии, географии, кроме того, прибавлено преподавание английского языка и расширен курс изучения политической истории, русской литературы, французского и немецкого языков. К нему приходил учитель танцев, требовавший, чтобы на пианино

Спальня великого князя Николая Александровича.
Дневная кроватка

всегда стояла большая ваза со свежими цветами. Среди преподавателей самым главным был К. П. Победоносцев. У Николая была необычайная память, он хорошо знал историю, говорил по-французски, по-немецки и блестяще знал английский. Когда очередной преподаватель

скучно излагал материал, Николай с тоской смотрел в окно на аптеку напротив дворца и на Аничков мост. Никто из учителей не имел права спрашивать ученика, поэтому даже Победоносцев не знал уровня образованности наследника.

Александр III часто играл с детьми, учил их пилить дрова, строить снежные крепости, был веселый и простой, но за шалости крепко драл за уши.

В 1883 году впервые в Петербург в гости к своей сестре на свадьбу приезжает Алиса Гессен-Дармштадтская. Ей 12 лет. Она с интересом наблюдает, как ее сестру на вокзале встречает золотая карета, запряженная белыми лошадьми. Во время свадебной церемонии в Зимнем дворце она бросала тайные взгляды на 16-летнего царевича Николая. Затем они встретились на детском балу. Николаю понравилась девочка с золотисто-рыжими волосами. Он побежал к матери, попросил брошку и, вернувшись в зал, сунул ей в руку свой подарок. На следующий день Алиса приехала в Аничков дворец и, посчитав, что вела себя недостойно, вернула брошь Николаю.

Затем Алиса и Николай встретились 5 лет спустя в 1889 году, когда она опять приехала навестить сестру Эллу. Теперь ей было 17

Ники и Аликс.
принцесса
Гессен-
Дармштадтская.

Ники и Аликс, принцесса Гессен-Дармштадтская
лет, ему 21. Они видели друг друга на при-
емах, балах, ужинах. С самого начала их

знакомства Николай был вежливым и деликатным. Ей нравились его застенчивость и обаяние, его спокойные голубые глаза. Она чувствовала настойчивость, с которой он добивался ее, но родители не разделяли упоительных восторгов наследника относительно немецкой принцессы. Плохо одетая, неуклюжая, неловко танцующая, с ужасающим акцентом во французском языке, слишком застенчивая, чересчур нервная, очень высокомерная — вот часть тех неприятных суждений, которые сложились в Петербурге об Алисе Гессенской. Общество почти открыто игнорировало Алису, чувствуя себя в полной безопасности, поскольку было известно, что Александр III и императрица Мария Федоровна с их антигерманскими настроениями не могут иметь никаких планов относительно союза наследника с этой принцессой.

И все же 14 ноября 1894 года состоялось их бракосочетание. До свадьбы они жили раздельно, она — у сестры Эллы во дворце великого князя Сергея Александровича, а он в милом Аничковом вместе с матерью. Из дневника Николая: "14 ноября 1894 года. День моей свадьбы. Я надел гусарскую форму и поехал с Мишей в Зимний дворец. По всему Невскому войска. Мама с Аликс. Пока

совершали туалет в Малахитовой зале, мы все ждали. И, наконец, она появилась. Серебряное платье с бриллиантовым ожерельем, сверху наброшена золотая парчовая мантия, подбитая горностаем, с длинным шлейфом. На голове в огне бриллиантов сквозная корона. Новая императрица. В десять минут первого начался выход в большую церковь, откуда я вернулся женатым человеком. Нам поднесли огромного серебряного лебедя от семейства. Переодевшись, Аликс села со мной в карету с русской упряжкой, и мы поехали в Казанский собор. Народу на улице пропасть. По приезде в Аничков, во дворе почетный караул от лейб-гвардии Уланского полка. Мама ждала нас хлебом и солью”.

Но двор и великосветское общество неприветливо встретили новую императрицу. В яхт-клубе, в кулуарах новой гвардии, в великокняжеских дворцах и в Аничковом идут недоброжелательные толки о новой императрице.

Вспоминают недавнюю обидную роль приезжавшей на смотрины и замужней невесты, разбирают каждое слово немки, каждый жест. Смеются над ее красным бархатным платьем с неизящной берлинской вышивкой. Рассказывают анекдот о горничной, которую княжне Белосельской пришлось прогнать —

так дурно от нее пахло трехрублевой "Вербеной" — любимыми духами императрицы. Передают фразу старого гессенского гофмаршала: "Какое счастье, что Вы ее берете от нас". Сравнивают жесткую и надменную манеру новой государыни с простотой и ласковостью императрицы Марии Федоровны, которая, с тех пор как ей пришлось отодвинуться на второй план, стала еще приветливее и проще.

Уже цитируемый нами В. И. Гурко замечает:

"Императрица Александра Федоровна, представлявшимся ей дамам, даже пожилым, протягивала руку для поцелуя. Недовольные говорили: императрица Мария Федоровна, пользующаяся всеобщими симпатиями, неизменно старается не допускать дам до целования руки, а вчерашняя принцесса захудалого немецкого княжества, где даже умерших хоронят стоя, иначе они окажутся за пределами своей Родины, демонстративно на этом настаивает".

"По причине траура не было торжественного приема после бракосочетания и не было свадебного путешествия. Молодая чета сразу же переехала в Аничков дворец. Они жили в первую зиму в шести комнатах дворца, где вдовствующая императрица оставалась хозяйкой. В свадебной спешке у Николая

не нашлось времени приготовить жилье себе и Александре, и они въехали временно в комнаты, которые Николай и его брат занимали в детстве.

Несмотря на то, что молодой царь управлял огромным континентом, официальные дела он совершал в небольшой гостиной, а в это время двадцатидвухлетняя императрица сидела за соседней дверью в спальне и занималась русским языком. Из-за того, что их апартаменты не имели столовой, Николай и Александра шли обедать с “дорогой маман”.

Молодая чета проводила в своей тесной квартире долгие часы порознь. “Петиции и аудиенции без конца”, — ворчал Николай”.

Бесстрастный камер-фурьерский журнал зафиксировал многие любопытные события, происходившие в Аничковом.

“2 декабря 1894 г.

2 часа 30 мин. Его Величество изволило передавать мундиры в Бозе почившего государя-императора Александра III — высочайшее жалование всем частям, в коих император был шефом.

К 2 часам части построились на дворе Дворца, против главного подъезда.

Вдоль лестницы расположились штаб-офицеры для несения мундиров с ассистентами.

В танцевальном зале были разложены на столах, жалуемые мундиры с эполетами. Государь-император соизволили собственноручно раздавать мундиры командирам частей.

Офицеры, приняв мундиры, выходили из Дворца и направлялись к своим взводам. Оркестр исполнял парадный марш.

25 декабря 1894 г.

10 минут 3 часа их Величества выход имели в манеж Аничкова Дворца, где была устроена елка для первой смены нижних чинов собственного его Величества конвоя, дворцовых городских.

26 декабря 1894 г.

Государь и императрица присутствовали на елке в манеже II смены нижних чинов.

29 января 1895 г.

В 2 ¹/₂ часа в голубой гостиной Их Величества изволили принимать гофмаршала прусского Двора барона Элофштейна, который привез в подарок Николаю Александровичу и Александре Федоровне столовый фарфоровый сервиз, исполненный королевским заводом по образцам Фридриха Великого.

8 марта 1897 г.

В 3 часу Ея Величество с В. К. Александром Михайловичем и В. К. Ксенией Александровной посетили выставку картин в императорской Академии художеств. Государыня

Императрица приобрела картины О. Керченской "У Ялтинского мола", Васильковского "По куропаткам", Сергеева "Весенние песни", Пален "Маки", Маковского "В овраге" и 5 акварелей, А. Н. Бенуа — "Нижний Новгород", П. Саля — "Зал Тинторетто в Венеции", Томда — "Партия в шахматы", Олендрьевой — "Маки".

6 марта 1897 года в Танцевальном зале французским гражданином Матье был продемонстрирован "кинематограф" — подвижные фотографии и "эхонограф".

1904 год

В $1/2$ 11 часа "Ее Величество принимала депутацию от Путиловского завода в составе:

Председателя правления Г. Фойхта, директоров правления, коллежского советника Нератова, горного инженера Печковского и инженера путей сообщения Шестакова, директора завода Смирнова и троих представителей от заводских рабочих.

8 марта 1904 года

В начале 4 часа Ея Величество в сопровождении фрейлины графини Гейден выезжала кататься и затем посетила вещевой склад пожертвований в манеже Аничкова Дворца.

2 апреля 1904 года

Ея величеству был представлен сборный отряд сестер милосердия разных общин,

уезжающий на Дальний Восток. Все 87 сестер милосердия получили из рук вдовствующей императрицы образки".

В камер-фурьерском журнале мы нашли интересные подробности о венчании великой княжны Ирины Александровны с князем Юсуповым:

"9 февраля 1914 года

Бракосочетание Ея Высочества княжны Ирины Александровны с князем Юсуповым графом Сумароковым-Эльстон в церкви собственного Его Величества Аничкова Дворца.

Дамы в длинных полувырезанных платьях без шляп, кавалеры военные в парадной, гражданские в праздничной форме по разосланным от обергофмаршала пригласительным билетам, согласно списков, представленных конторою Двора Великого князя Александра Михайловича и князем Юсуповым графом Сумароковым-Эльстон имели приезд к 2 ¹/₂ часам в Аничков дворец (всего до 600 персон).

Их высочества особы императорской фамилии съезжались к 2 часам 50 мин. с собственного подъезда и собирались в Красной гостиной.

В 2 ¹/₂ часа дня в Аничков Дворец из Красного Села прибыли их Величество государь-

император и государыня императрица Александра Федоровна с Великими князьями: Ольгою, Татьяною, Марией и Анастасией.

В 2 ³/₄ часа дня в парадной карете, запряженной цугом четверкою лошадей с форейтором прибыла в Аничков Дворец августейшая невеста княжна Ирина Александровна с августейшими родителями В. К. Александром Михайловичем и В. К. Ксенией Александровной и августейшим братом князем Василием Александровичем. С собственного подъезда княжна Ирина Александровна с августейшими родителями проследовала в Красную гостиную. Их Величество государь император и государыня императрица Мария Федоровна благословили августейшую невесту к венцу.

Жених князь Феликс Феликсович Юсупов прибыл во Дворец на собственный подъезд, откуда проведен был в церковь Дворца.

В церкви собрались по прилагаемому списку (все особы, приглашенные на бракосочетание, не указанные в особом списке, во время венчания оставались в залах Дворца).

В 3 часа дня последовало высочайшее шествие из желтой гостиной, через танцевальное зало и приемные комнаты в церковь Дворца.

Ирина Романова и Феликс Юсупов

Венчание совершили настоятели церквей
Аничкова дворца отец Вениаминов и Николо-
Морского отец Беляев.

В годы царствования Николая II Аничков дворец продолжал оставаться одним из центров музыкальной жизни столицы. Об этом говорит репертуар придворных концертов. Вот лишь некоторые из этих концертных программ, почерпнутые из камер-фурьерских журналов:

“14 ноября 1896 г.

Струнный оркестр

“Арагонская хота” — Глинка

Народная песня из “Скандинавской сюиты” — Гамерик

Вальс цветов из балета “Щелкунчик” — Чайковский

Пролог из оперы “Паяцы” — Леонкавалло

Марш “Привет Копенгагену” — Фарбах

14 февраля 1910 г.

Симфонический оркестр

— Увертюра “Сон в летнюю ночь” — Мендельсон

— Гимн из оперы “Орлеанская дева” — Чайковский

— Вариации из балета “Раймонда” — Глазунов

— Колыбельная песня из I сюиты — Танеев

— Вальс-фантазия — Глинка

— Хор из оперы “Князь Игорь” — Бородин”.

С Аничковым дворцом связана работа художника Валентина Серова над известным портретом Николая II.

Портрет написан Серовым в необыкновенно короткий срок — 16 сеансов. Он был предназначен в подарок жене, поэтому писался тайком. Серов сумел в императоре всея Руси увидеть человека с его обычными чувствами мужа и отца. Николай II изображен в простой и, вероятно, привычной для него позе в состоянии интимного общения с человеком, к которому он испытывает дружеские чувства.

Работа начата в Царском Селе, а продолжена и закончена в павильоне Аничкова дворца, выходящем на Невский проспект, в мае 1900 года. Этот портрет отличался от прежних весьма существенным обстоятельством. Он от начала до конца был исполнен с натуры. С этой точки зрения портрет Николая II в тужурке представляет собой нечто принципиально новое в истории писания царских портретов...

Последней хозяйкой Аничкова дворца суждено было стать императрице Марии Федоровне.

Марии Федоровне как женщине и матери пришлось испытать много страшных потрясений. Мужа и двоих сыновей она похоронила в России, а еще двоих сыновей и пятерых внуков оплакивала 10 лет в изгнании.

В 1919 году королева Англии Александра послала крейсер к берегам Крыма, где находилась Мария Федоровна. Она отбыла из мятежной России.

Вдовствующая императрица поселилась на родине, в Дании. Зиму она обычно проводила в копенгагенском королевском дворце, принадлежавшем ее отцу, Христиану XI.

Ее родной внук Тихон Куликовский-Романов вспоминал, что в изгнании, стесненная материально Мария Федоровна сохранила доброжелательность и обаяние, старалась помогать нуждающимся.

Она скончалась 30 сентября 1928 г. и похоронена в королевском склепе г. Роскильде в Дании.

* * *

В дни Февральской революции Аничков дворец становится ареной политических выступлений. На одной из известных фотографий революционных лет запечатлен момент сжигания царских орлов во дворе Аничковой усадьбы.

В феврале 1917 года в национализированном дворце было размещено Министерство продовольствия. После октябрьского переворота, в один из первых дней ноября, несколько

вооруженных красногвардейцев заняли входы во дворец, а нарком А. Г. Шлихтер и члены коллегии начали обход министерства. Товарищ министра и другие министерские чиновники наотрез отказались сотрудничать с большевиками. На их место были поставлены большевики. Так руководство транспортным отделом принял на себя М. И. Калинин. Отдел этот располагался в верхнем этаже Аничкова дворца, в помещениях, выходивших окнами в сад.

В мае 1918 года после эвакуации министерства продовольствия, освободившийся Аничков дворец был передан культурно-просветительскому отделу городской управы. Во дворец были приглашены эксперты для оценки художественных и архитектурно-технических сторон здания. Они признали целесообразным разместить в Аничковом дворце Музей города, сделав его центром градоведения и научным институтом.

МУЗЕЙ ГОРОДА

Музею города посвящено специальное исследование Г. А. Поповой, опубликованное в сборнике "Музей и Город" за 1993 г.

Декрет об учреждении Музея города был подписан А. В. Луначарским и опубликован в газете "Северная коммуна" 4 октября 1918 года. Музею передавались не только Аничков дворец, но и здания всей усадьбы, включая "Кабинет его величества" (набережная р. Фонтанки, 31), а также дворец великого князя Сергея Александровича (Невский пр., 41/42), и в 1919 году — особняк графини Н. Ф. Карловой (набережная р. Фонтанки, 46).

Официальное открытие музея состоялось в конце ноября 1918 года. В декабре коллегия — высший руководящий орган музея — единогласно избрала первого директора. Им стал Л. А. Ильин, его заместителем — известный историк и знаток города В. Я. Курбатов.

Вскоре музей стал крупным многофункциональным учреждением, в которое на равных правах входило семь отделов, а практически —

семь самостоятельных музеев с экспозициями, фондом, библиотекой и кабинетами для приема посетителей. Одним из крупнейших был отдел архитектуры и городского строительства с секциями планировки, застройки и садово-паркового искусства. Надо сказать, что коллегия музея в момент размещения в Аничковом дворце приняла решение сохранить часть помещений первого и третьего этажа как наиболее характерных для показа интерьера и бытового уклада жизни высших слоев дворянского общества Петербурга второй половины XIX века. В комплекс исторических комнат (жилая половина Александра III и Марии Федоровны) входил и личный музей царя, аннотированный во многих путеводителях по Петербургу. Вместе с Сервизным корпусом дворца они образовали основу музейного отдела "Искусство в жизни города".

Другим крупным подразделением был отдел коммунальной и социальной гигиены, во главе которого встал профессор З. Г. Френкель — один из ведущих специалистов этого научного профиля. Его экспозиции разместились в левом корпусе "Кабинета", а в правом, со стороны Невского проспекта, — фундаментальная библиотека и Информационно-библиографический отдел. Для показа коллекций

Музея Старого Петербурга был выделен дом N 35 по Фонтанке (бывший дом Серебряниковых), примыкавший к усадьбе Аничкова дворца.

Первые четыре года в зимнее время здания музея не отапливались.

Несмотря на тяжелые условия, уже в январе 1919 года в манеже Конюшенного корпуса Аничковой усадьбы была открыта первая выставка "Виды Петербурга и его окрестностей", затем "Москва и ее окраины", "Архитектура за пять лет". Одним из создателей экспозиции произведений "мирискусников" был А. Н. Бенуа.

Из воспоминаний баронесы М. Д. Врангель: "Прожив в Петербурге с 1918 года до конца 1920 года, я, несмотря на все ужасы жизни, уцелела каким-то чудом: а служила я в Музее города, в Аничковом дворце, состояла одним из его хранителей. Музей города по духу был особый: ни начальство, ни служащие политикой не занимались, страстно любили свое дело. Сперва я состояла эмиссаром с жалованием 950 рублей в месяц, затем меня превратили в научного сотрудника". В дни подхода Юденича к Петрограду Троцкий и Зиновьев устроили в Аничковом дворце военный лагерь, расставив пулеметы со

стороны Фонтанки. Военные шныряли во дворце повсюду”.

19 июля 1919 года в Музее города выступал А. М. Горький со своими воспоминаниями о Л. Н. Толстом. В переполненном зале, окно которого выходило на Невский, находились многие деятели культуры, литературы: А. А. Блок, К. А. Федин, В. А. Каверин и др. Петроградское отделение театрального отдела Музея города организовало цикл лекций, посвященных истории театра в эпоху Возрождения.

Острая политическая борьба с троцкистской оппозицией в 1926—1927 годах отразилась и на без того сложной жизни музеев страны, в том числе и Музея города.

Одним из первых тревожных “звонков” в судьбе Музея города явилась ликвидация Исторических комнат Аничкова дворца. Мотивируя это необходимостью размещения управленческих структур Губисполкома, музею в ультимативной форме предъявили требование в трехдневный срок разобрать экспозицию Исторических комнат, в том числе и личного музея Александра III.

В архиве кинофотодокументов и фондах Музея истории Санкт-Петербурга хранятся уникальные фотографии интерьеров Исторических комнат, помеченные 17 января 1928

года, фактически последним моментом жизни музейной экспозиции.

На заседании Коллегии РКИ по результатам обследования музея в адрес Л. А. Ильина были выдвинуты обвинения в неправильной, не соответствующей "текущему моменту" кадровой политике, отсутствии материалов, отражающих достижения социалистического Ленинграда. Но самым невероятным для Льва Александровича, как и для всех сотрудников, было обвинение в причастности к разбазариванию имущества Аничкова дворца.

В числе подлежащих увольнению сотрудников были Л. Н. Мерчанская, В. К. Клингенберг, П. В. Ковальская-Ильина, Е. А. Полякова, Ю. Н. Султанов, заклеянные дворянским происхождением. Досталось и низшим чинам музея: был уволен сторож Акулов, что служил швейцаром у императрицы Марии Федоровны. Всего из пятидесяти восьми сотрудников был уволен двадцать один.

В защиту музея поднялись многие учреждения, средства массовой информации опубликовали протестующие заявления архитекторов, историков, искусствоведов, а в музей направлялись все новые и новые комиссии.

Судьба коллекций Музея города сложилась драматически.

В Сервизный корпус на хранение был переведен из Дома Карловой практически целостный музейный фонд произведений декоративно-прикладного искусства. Он включал в себя уникальные фарфоровые изделия: единственные экземпляры настольного украшения, изготовленного по специальному заказу в Мейсене в начале XVIII века в ознаменование окончания войны Норвегии со Швецией; фигуры мифологических персонажей, птиц — авторские работы И. И. Кендлера, великолепно выполненные столовые, чайные и кофейные сервизы из серебра производства фирмы Фаберже. Огромное количество ювелирных украшений из золота и платины с драгоценными камнями, иконы в серебряных окладах, образцы старинных вышивок и многое-многое другое.

Однако весь этот фонд позже был распродан с аукционов в Берлине и Париже, так же как знаменитая библиотека и личный архив графини Карловой.

В результате травли музея его целостная коллекция была распылена.

В дальнейшем, оставаясь в Аничковом дворце до 1935 года, имея всевозможные наименования (от “Выставки-музея строительства и городского хозяйства” до “Музея Социалистической

реконструкции"), музей выполнял заданную официальными властями установку: служить целям и задачам социалистического производства.

ДВОРЕЦ ПИОНЕРОВ

В 1934 году Ленинградский Городской Комитет партии и Ленсовет приняли решение о создании в помещениях бывшей царской Аничковой усадьбы Дворца пионеров.

Вот как писали об этом ленинградские газеты: "Дворец пионеров должен стать Дворцом счастья и радости для детворы нашего города".

Директором Дворца был назначен Н. М. Штейнварг. Реконструкция дворца, как уже говорилось, проведена была архитекторами А. И. Гегелло и Д. Л. Кричевским. Они разработали детальный план восстановления интерьеров дворца с учетом назначения помещений и задач Дворца пионеров.

Можно сказать, что Дворец пионеров создавал весь Ленинград. 228 заводов, фабрик, институтов помогали в оформлении и оборудовании. Машиностроительную лабораторию строил Кировский завод, кабинет физики — "Электросила", автоматическую телефонную станцию — "Красная заря",

лабораторию судомodelьщиков с бассейном — Балтийский завод. Университет, Горный, Технологический институты оснащали лаборатории приборами, опытными установками.

12 февраля 1937 года состоялось торжественное открытие Дворца. 10 тысяч юных ленинградцев поселились здесь дружной семьей. Выступая с приветственным словом, С. Я. Маршак сказал: “Это не только красивый и богатый Дворец. Это прежде всего умный Дворец. В нем ребята найдут ключи, открывающие перед ними двери в большую науку и технику, в искусство. Здесь они научатся хорошо работать, дружно жить сообща, коллективно”.

Для работы с детьми были приглашены выдающиеся ученые, академики: В. В. Струве, Д. В. Наливкин, Е. Н. Павловский, Л. С. Берг. Лекции по искусству читал директор Эрмитажа И. А. Орбели. Ансамбль песни и пляски возглавил И. О. Дунаевский. Шахматы вел М. Ботвинник.

Но вот грянула война. По общей мобилизации ушли на фронт 39 педагогов Дворца, 17 записались в народное ополчение. Все остальные педагоги работали на строительстве оборонных сооружений, принимали беженцев на эвакуационных пунктах, сопровождали эшелоны, увозившие детей из Ленинграда. Начиная с осени

1941 года Дворец пионеров неоднократно подвергался бомбардировкам и обстрелам.

В планшете немецкого летчика, сбитого в небе под Ленинградом, был найден перечень объектов города, подлежащих уничтожению. Под номером 192 в этом списке значился Дворец пионеров.

8 сентября от прямого попадания артиллерийского снаряда в Главный корпус был разрушен Зимний сад, значительно пострадала кровля, оконные проемы и стекла всех зданий комплекса. Зимой 1942 года в Главном корпусе размещался гражданский госпиталь.

Из воспоминаний Лины Ивановны Щербак: "Мы прожили с мамой во Дворце пионеров самое трудное время — зиму 1941—42 годов в госпитале, в котором моя мама, Егорова Антонина Ивановна, была главным хирургом. Мама жила в кабинете, отделанном под "птичий глаз" (так все его называли), в нем было много шкафов с книгами, два огромных окна, выходящих на Невский проспект, в углу стояла мамина кровать, на которой мы вместе спали. В первую ночь моего приезда был страшный налет. Сначала кто-то из медперсонала отводил меня вместе с больными в подвал, в бомбоубежище, потом, в какое бы время это ни случилось, я устремлялась

к маме в операционную, зарывалась головой в ее халат, чтобы в случае попадания бомбы быть вместе с мамой. Почти все оконные стекла вылетели, топить перестали, воды не стало. Рамы забивали фанерой, закладывали матрацами, раненых закрывали несколькими одеялами, сверху тоже матрацами. Все спали, не раздеваясь. Никакими буржуйками нельзя было поднять температуру в этих огромных залах. Дворец превратился в ледяной. Но все время везли раненых, и он работал. Только в одном зале — операционном — тускло горели лампочки над столами, за которыми день и ночь стояли хирурги. По утрам очень трудно было вылезать из кровати, но у меня были свои обязанности: растопить буржуйку, принести воды из титана, скатать бинты. Поскольку окна были забиты и занавешены, в палатах даже днем было темно. Я набирала лучинки и факелы и светила врачам во время обхода. Из мужской нижней рубашки мне приспособили халат, на голове марлевая косыночка. Иногда во время вечерних обходов я засыпала там же, в палатах, но меня тормошили, и я светила дальше. Первое время меня посылали в сад собирать желуди. Их тоже ели. Однажды внесли носилки, на них лежала девочка моего возраста, раненная

в живот. Она стонала, и я к ней подошла, она просила пить. Я принесла ей воды, но она уже умерла. Мне казалось, что я не успела ее спасти, и я горько плакала”.

Весной 1942 года госпиталь был переведен из дворца, а в мае решено было открыть кружки для блокадных детей, детскую площадку в саду дворца. И даже состоялся выпускной бал для окончивших 10-й класс. Ребята с трудом поднимались по мраморной лестнице. Наверху играла музыка, и оркестранты плакали, видя, что у ребят нет сил танцевать и смеяться.

Ольга Петрова, выпускница школы 1942 года, вспоминала, что в ее родном Куйбышевском районе было всего 7 выпускников. На торжественное вручение аттестатов зрелости все выпускники города были приглашены во Дворец пионеров. Их было не более 75 человек.

О. Петровой запомнился этот памятный день по многим причинам. Конечно, и потому, что ребят ожидал во Дворце настоящий обед из трех блюд: гороховый суп, котлета с макаронами, компот. Однако вскоре после обеда праздник закончился — начался обстрел.

В Куйбышевский райком партии вместе с суточными сводками о выпуске снарядов

и гранат поступил и такой документ: "Сообщаем, что работу с детьми Дворец возобновил в мае 1942 года. В настоящее время в нем работают кружки танцевальные, вокальные, фортепианные, рукоделия, рисования, художественного слова". По доброму движению души педагоги принимали на себя ответственность теперь уже не только за художественное воспитание детей, но и за их жизни. Было решено открыть детский дом для воспитанников Дворца пионеров, чтобы лучше позаботиться об их лечении и воспитании. Сильно истощенные дети молча лежали на кроватях. Их кормили соевыми лепешками, поили соевым молоком — это были деликатесы блокадного города. Окрепнув, ребята выступали с концертами в госпиталях, на военных кораблях, в воинских частях.

Из воспоминаний В. Г. Бородулиной: "Чаше всего мы выступали в госпиталях. У Раечки Ивановой был замечательный танец с лентой. Когда она взмахивала ею, лента цеплялась за кровати. И раненые говорили: "Дочка, оставь ленту, попрыгай так".

Случалось, что начинался обстрел района, в котором находился госпиталь. Тогда вместе с ранеными мы спускались в укрытие и там продолжали концерт". 70 воспитанникам Дворца

пионеров были вручены медали "За оборону Ленинграда". Какие необычайные обязанности приходилось выполнять недавним хореографам, скрипачам, пианистам! В часы воздушной тревоги они становились связистами, санитарями, поднимались на крышу и, как солдаты, стояли на защите дворца. Сколько было сброшено зажигалок вниз на мостовую! Педагоги рубили дрова, сажали овощи на клумбах.

В июне 1943 года во Дворце проходила городская олимпиада детского творчества. Несколько дней на Невский ехали и шли ребята из всех районов осажденного Ленинграда.

Из письма Людмилы Вячеславовны Кирилловой директору Дворца пионеров: "Во время блокады я жила в Колпино. Весной 1943 года нас привезли на машине во Дворец пионеров для участия в смотре художественной самодеятельности. Помню, что детей в зале было человек 30. Наша бригада состояла из трех человек: преподаватель пения, Тамара Симонова и я, Мила Таукина. Тамара читала стихотворение "Бабушка и внучка", а я играла роль бабушки. Мне повязали платок и дали в руки клубок шерсти со спицами. Выступление прошло не совсем удачно, так как при словах, что бабушка спит, я продолжала

вязать. Тамара получила грамоту, а мне с наградой не повезло. Ехать домой было поздно, и нам пришлось остаться ночевать во дворце. Нам дали по полстакана соевого молока и по тонюсенькому ломтику хлеба. Было настолько вкусно, что мы это долго вспоминали. Сам же концерт проходил в здании, выходящем на Невский, на 2-м этаже”.

В народное ополчение ушел руководитель хореографической студии А. Е. Обрант. Однажды лейтенанта Обранта вызвал начальник политотдела 55-й армии.

— У нас организуется агитвзвод, а вот танцоров — нет.

— Найду, — ответил Обрант. — Если живы мои ребята из Дворца пионеров.

— Но это же дети! А здесь фронт!

— А в Ленинграде голод, обстрелы, бомбежка, и вероятность погибнуть не меньше.

Аркадию Ефимовичу дали командировку в Ленинград. Во Дворце вместе с педагогом Варшавской они нашли адреса кружковцев и отправились разыскивать ребят. Нелли Раудсепп, Гена Кореневский, Валя Лудинова, Феликс Морель, Валя Клейман. Шесть изможденных детей, уложив на сани костюмы, отправились в марте 1942 года на фронт. В селе Рыбацком, где стоял агитвзвод, юных танцоров

встретили ласково, лечили, подкармливали. Первый концерт был дан для сандружинниц. В первых числах апреля в Ленинград пробился партизанский обоз с хлебом. В бывшем дворце Кшесинской блокадный город чествовал героев-партизан. Танцоры агитвзвода исполняли для них лучшие номера. Им громко аплодировали, кричали "Ура!". Кричать "бис" запретили заранее, боялись, что ребята не выдержат нагрузки. Вскоре ансамбль принимал пополнение. Неугомонный Обрант отыскал Веру Мефодьеву, Мурика Аванова, Володю Иванова, Валю Сулейкину. Теперь балет агитвзвода самостоятельно давал полные концерты. Площадками им служили железнодорожные платформы, кузов грузовика, просто трава на поляне.

Один концерт состоялся даже... в печи. Да, в печи Ижорского завода, в которой когда-то обжигался кирпич. Она была разрушена, но с одной стороны кладка сохранилась, как раз с той, что была обращена в сторону врага. Под ее прикрытием и танцевали. А вечерами при свете коптилок садились за уроки. Война войной, а жизнь продолжалась, надо было заканчивать школу. На одном собрании взвода было принято решение: "Никогда не говорить о еде". Как ребят ни берегли — всем

достался фунт солдатского лиха. В них стреляли, их бомбили. Популярность танцоров росла, а то, что искусство ансамбля нужно, они видели в глазах бойцов, слышали в их аплодисментах. В начале лета 1944 года ансамбль принял участие в 3-м антифашистском слете молодежи в Москве. Когда на сцену Колонного зала выбежали ленинградские мальчишки и девчонки в военной форме с новенькими медалями "За оборону Ленинграда" на груди, зал взорвался аплодисментами. А в День Победы 9 мая 1945 года ансамбль А. Е. Обранта выступал на Дворцовой площади посреди радостно возбужденной толпы. Не имея еще паспортов, участники агитвзвода были награждены орденами Красной Звезды.

В 1943 году во Дворце уже работали кружки: шахматный, биологический и технические. Юные техники, выполняя задание штаба Ленинградского военного округа, изготовили 200 змеев и 5 воздушных шаров для распространения листовок. Юннаты в саду на клумбах выращивали овощи, рукодельницы готовили для бойцов кисеты, носовые платки, вязали рукавицы, шили суконные бурки. В подвале Главного корпуса разместился отряд МПВО, охранявший дворец. Всю войну работала библиотека, велся дневник.

Городская комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков в акте от 13 ноября 1943 года констатировала стоимость причиненного ущерба:

1. Здания культурно-бытового назначения — 458 280 000 рублей.

2. Многолетние насаждения — 200 000 рублей.

3. Прочие виды имущества — 464 456 000 рублей.

Акт подписали:

главный архитектор города — орденосец Баранов Н. Д.;

писатель — орденосец Инбер В. М.;

заслуженный деятель искусств — орденосец Софронов В. Я.;

профессор ИУУ — Депман И. А.;

директор Дворца пионеров — Штейн-варг Н. М.

В 1944 году комсомольцы Ленинграда помогли восстановить комплекс зданий Аничкова дворца, и с тех пор не закрываются двери его корпусов для детей города...

В старых стенах Аничкова дворца сегодня по-прежнему царит юность нашего города. 14 тысяч детей и подростков находят здесь свое призвание, творят, дерзают, набираются знаний, учатся жить в современном мире.

Идет время, вместе с прогрессом общества меняются названия кружков, создаются новые направления деятельности. Ансамбль песни и танца, компьютерный центр, клуб биологов и клуб моряков, центр информационных технологий, отделение бокса, клуб космонавтики и Аничков лицей, в котором обучаются кружковцы Дворца на самой современной технической базе и высочайшем научном уровне преподавания, кружки археологов и т. д.

146 наименований клубов, кружков, объединений удовлетворяют любые интересы ребят.

Царские парадные интерьеры и сегодня служат своему назначению.

Балы, праздники, встречи, игры, поэтические вечера, концерты заполняют жизнь детей в белоколонном зале и в гостиных дворца. Здесь много игр и аттракционов.

История одной игры особенно примечательна.

В 1937 году педагоги-массовики придумали настольную игру "хоккей". И до сих пор в нее с удовольствием играют дети всех возрастов и взрослые гости Дворца.

Один из воспитанников В. Ф. Смирнова из клуба затейников, став моряком, взял во Дворце чертеж игры и сделал такую же у себя на судне.

Народная артистка СССР Любовь Орлова среди участников хора Дворца пионеров. 1970 г.

Однажды на стоянке в итальянском порту игру увидели докеры и очень ею заинтересовались. Когда о "хоккее" узнал владелец одного небольшого итальянского кафе, он у себя установил точно такую же игру. "Хоккей" так понравился всем посетителям, что хозяин на нем вскоре сделал себе целое состояние.

В бывшем музее Александра III сегодня находится музей Аничкова дворца. О елизаветинских временах и о днях сегодняшних рассказывают стенды и экспонаты музея. Пожелтевшие листки с автографом Алексея Николаевича Толстого, полученные на открытии Дворца пионеров. Стихи Самуила

Яковлевича Маршака, прочитанные 12 февраля 1937 года, ноты первой песни о Дворце, написанной Исааком Осиповичем Дунаевским.

А самые яркие экспонаты — творчество детей. Рисунки, афиши, самолеты, коллекции минералов, изделия из керамики и, конечно, любимец всех детей 1,5-метровый тигренок “Кеша”, придуманный и сделанный ребятами из кружка мягкой игрушки.

В центре зала — Книга почета, куда занесена плеяда талантливейших педагогов, воспитавших выдающихся ученых, космонавтов, артистов, писателей, инженеров.

Это — Натан Михайлович Штейнварт, первый директор Дворца пионеров, собравший удивительно талантливый коллектив педагогов;

Владимир Федорович Смирнов, поднявший скромную профессию массовика-затейника до педагогических высот;

Матвей Григорьевич Дубровин, придумавший систему воспитания детей через организацию детского театра, где каждый ребенок — и артист, и рабочий сцены, и бутарфор, и осветитель.

Это — Мария Федоровна Заринская и Григорий Иванович Беззубов, создавшие уникальные хоры детей и молодежи; Павел Иванович

Смирнов — основатель оркестра баянистов; Соломон Давидович Левин, руководитель изостудии Дворца; Кирилл Александрович Демянский, воспитавший целую команду лучших мотогонщиков страны; Владимир Григорьевич Зак, подаривший миру В. Корчного, Б. Спаского и других талантливых шахматистов; Ирина Александровна Борисова, руководитель Юношеского клуба космонавтики; Глеб Георгиевич Хованский и Юрий Николаевич Океанов, основавшие телестудию и лабораторию автоматики и телемеханики; Алиса Борисовна Гальченко и Галина Георгиевна Бажутина, придумавшие для детей города увлекательные праздники, смотры, конкурсы; Дмитрий Яковлевич Николаев — руководитель хорового коллектива; Владимир Николаевич Бадулин, художественный руководитель ансамбля пионерской песни и танца; Владимир Степанович Скобельцын, Александр Александрович Эрлер и Анатолий Федорович Кузнецов, увлекшие за собой тысячи мальчишек в авиамodelьный спорт; Виктор Яковлевич Григошин, много лет выявлявший через проведение предметных олимпиад талантливейшую молодежь города; Тамара Георгиевна Жадина, создатель клуба биологов; Сергей Сергеевич Маньшин, воспитавший чемпионов страны и мира по шашкам;

Народные артисты СССР Н. М. Дудинская и
К. М. Сергеев в гостях у коллектива хореографии
1980 г.

Григорий Самойлович Усыскин, прошедший со своими воспитанниками туристскими походами по следам важнейших исторических событий; Галина Михайловна Чернякова, много лет возглавлявшая работу Дворца, и многие другие. За свой творческий труд они все отмечены почетными званиями и правительственными наградами.

Дворец любит принимать гостей. Почти ежедневно его посещают школьники и молодежь, приезжающие из разных стран мира. Языкового барьера для них не существует.

Народный артист СССР композитор
Андрей Павлович Петров в гостях у ансамбля
Дворца. 1984 г.

Они быстро понимают друг друга и расстаются друзьями. И летят письма в клуб интернациональной дружбы со всех концов мира.

Среди почетных гостей Дворца много первых космонавтов: Титов, Гречко, Шаталов, Севастьянов, Хрунов и другие. Они встречались с ребятами из клуба космонавтики с рассказами о полетах, об особенностях этой редкой, мужественной профессии.

25 апреля 1965 г. Герман Степанович Титов и Владимир Михайлович Комаров посадили у Главного корпуса Дворца березку. Теперь это большое красивое дерево — память о погибшем в космосе В. М. Комарове.

Аничкова усадьба расширяет свои владения. В 1972 году был введен после реконструкции старого здания новый спортивный корпус. В 1969 году построена загородная резиденция Дворца — лагерь “Зеркальный” на Карельском перешейке.

Свое 50-летие Дворец пионеров отметил в новом театрально-концертном комплексе со зрительным залом на 800 мест.

Архитекторы И. Б. Ноах и Н. М. Куликова придумали светлый нарядный детский театр, а директор Дворца пионеров Г. М. Чернякова,

На озере Зеркальном

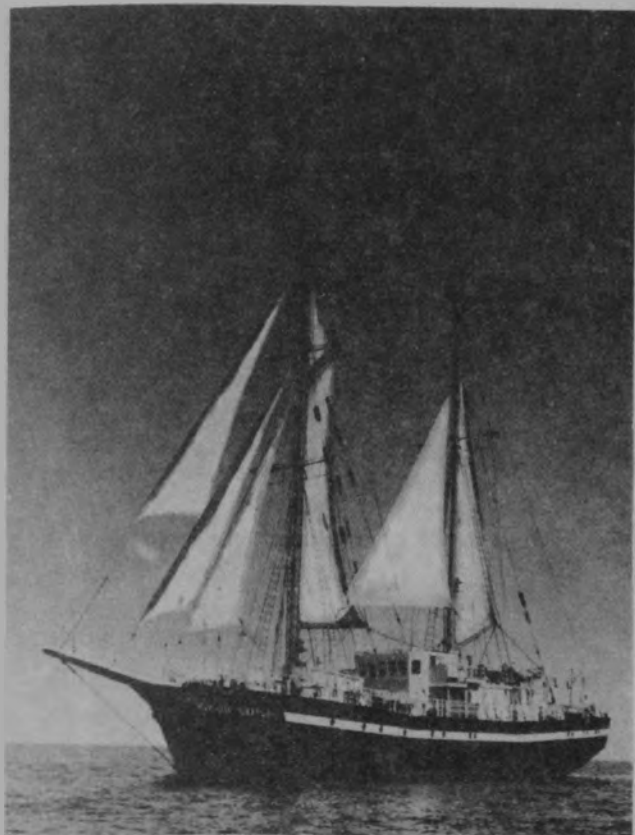

Загородный центр Дворца творчества юных
"Зеркальный"

главный инженер Н. А. Любушкин, директор комплекса О. В. Мельников вместе со строителями вложили в него душу и сердце.

И вот стоит в глубине Аничковой усадьбы Театрально-концертный комплекс "Карнавал", и с Невского проспекта видна яркая иллюминация его вечерних праздничных огней.

Как и в прежние времена, нынешние хозяева имеют свой корабль. Ежегодно в навигацию отправляется в балтийские воды парусно-моторное судно "Юный Балтиец", построенное в 1990 году на Балтийском заводе специально для ребят морского клуба "Юнга".

Учебно-парусное моторное судно
"Юный балтиец"

В оранжереях на агроучастке зимой и летом цветут редкие растения, как когда-то они росли в царском саду дворца. Юннаты в мае угощаются виноградом.

Фойе Театрально-концертного комплекса
"Карнавал"

Недавно Академия наук подарила клубу космонавтики спускаемый космический аппарат "Восток", побывавший в космосе. Чтобы установить его в клубе, понадобилось очень много усилий. "Подарок" весом в 3 тонны не влезал ни в двери, ни в окна. Пришлось разобрать кусок стены шириной примерно 70 сантиметров и с помощью подъемного крана и разных приспособлений водрузить его в проем, а затем на руках установили его на постамент. И теперь "Восток" — тренажер, оснащенный компьютерной техникой, помогает ребятам ощутить себя в полете на космических трассах.

Вестибюль Театрально-концертного комплекса
"Карнавал"

В юношеском клубе космонавтики

В последние годы Дворец творчества юных выступил инициатором массовых движений петербургских школьников: это "Эко-согласие",

объединившее сотни защитников природы, и "Юные за возрождение Петербурга", которое объединило юных краеведов, экскурсоводов,

Учебно-опытный участок

знатоков города, добровольных помощников реставраторов и их наставников, всех, кто болеет за судьбу нашего города.

Слава Дворца — в его выпускниках, прославивших наш город. Среди воспитанников Дворца — ученые, академики Л. Д. Фадеев и Н. П. Бехтерева, космонавты В. Шаталов и Гречко, деятели кино кинооператор и режиссер А. Е. Учитель, кинорежиссеры С. Соловьев и Н. Бирман, спортсмены — олимпийские чемпионы по гребле Ю. Тюкалов, по спортивной гимнастике Т. Манина, по боксу Г. Шатков, фигуристы Олег Протопопов и Юрий Овчинников, Станислав Жук, шахматисты: В. Корчной, Б. Спасский, М. Тайманов, Л. Вольперт, А. Кочнев, И. Левитина, чемпион мира по мотокроссу Г. Моисеев. Во Дворце пионеров занимались известные писатели и поэты: Юрий Воронов, Александр Крестинский, Лев Куклин, Леонид Хаустов, Анатолий Чепуров, Александр Городницкий, Борис Никольский, Владимир Арро, Юрий Яковлев, Олег Шестинский, Надежда Полякова, Владимир Торопыгин; артисты и театральные режиссеры: Станислав Ландграф, Лев Додин, Жанна Прохоренко, Татьяна Шестакова, Николай Буров, Алиса Фрейндлих, Сергей Юрский, прославленные артисты

Выступление хора и симфонического оркестра.
Большой зал Филармонии

балета Наталья Макарова и Людмила Семеника, балетмейстер Олег Виноградов, режиссер Виктор Сударушкин, выдающаяся певица Елена Образцова, солистки ведущих музыкальных театров Елена Устинова и Ольга Бородина, популярная эстрадная певица Марина Капуро и др.

ЭКСКУРСИЯ ПО АНИЧКОВУ ДВОРЦУ

Мы входим в нижний парадный вестибюль, оформленный зелеными колоннами искусственного мрамора, горельефами аллегорий Славы в аттике, арматурами, который получил свое оформление в 1770 году, когда Аничков дворец перестраивал для Г. А. Потемкина И. Е. Старов в стиле раннего классицизма.

В образовавшейся при перестройке дворца в 1936 году ротонде сегодня располагается выставочный зал отдела биологии. Ныне существующий гардероб, выполненный в неоклассическом стиле 1930-х годов, находится на месте бывшей половины великого князя Николая Александровича. Расположение парадной лестницы осталось прежним, но сама она неоднократно перестраивалась, в последний раз архитектором Монигетти в 1875 году. В таком виде она дошла до наших дней. На площадке бельэтажа обращает на себя внимание большая ваза, выполненная в виде кубка Вакха,

с изображением бога вина, декоративным орнаментом в виде виноградных лоз, а также сценами из гомеровской "Илиады". В помещении бельэтажа в конце XIX века располагалась детская половина, декор которой был полностью обновлен А. В. Трескиным в 1936 году для размещенного здесь кафе.

На площадке между бельэтажем и парадным верхним вестибюлем внимание посетителей дворца привлекает огромное зеркало.

Мы прошли на верхнюю площадку лестницы. Ее лепная декорация была полностью обновлена вместе с лестницей в 1875 году. Тогда-то были построены новые мраморные перила лестницы.

Несмотря на понесенные утраты (живописный плафон, пейзажные панно на стенах), этот интерьер в основном дошел до нас таким, каким его создал архитектор И. Монигетти. Об этом говорят характерные для рококо богатая лепнина и медальоны. Правда, в медальонах монограммы прежних хозяев дворца "А" и "М" заменены на ЛДП (Ленинградский Дворец пионеров).

Огромные окна наполняют вестибюль светом, который усиливается благодаря светлой "салатной" окраске стен с эффектно выделяющейся на ее фоне белой лепниной.

От верхней площадки лестницы начинаются две анфилады парадных комнат. Одна располагается вдоль главного и служебного дворов усадьбы, другая идет параллельно саду. Осмотр парадных интерьеров мы начнем с первой анфилады, которую открывает так называемая передняя.

Комната сохранилась в первоначальном объеме, но в перестроенном в 1936 году виде.

Современный вид первая приемная приобрела после ремонта 1936—37 гг., когда уничтожили собственную подъемную машину, убрали перегородку, оформив эту часть помещения двумя колоннами. Перекрытие было заново расписано художником В. С. Щербаковым в духе 1930-х годов с атрибутами, рассказывающими о новых хозяевах дворца — пионерах. В этой гостиной привлекает внимание посетителей люстра в стиле рококо с причудливо изогнутыми бронзовыми ветвями, завершающаяся фарфоровым ананасом.

Следующая в анфиладе комнат — Торшерная. Сегодня эта гостиная украшена двумя мраморными каминами с миниатюрными панно, рассказывающими о рождении бога вина и виноделия Диониса. Обращают на себя внимание два высоких торшера из красного рубинового стекла. Появление в Аничковом

торшеров и люстры связано с легендами. По одной из них, жена Николая I, Александра Федоровна, поехала лечиться в Италию. Ее очень хорошо приняли, внимательно обследовали, и, вернувшись в Россию, она уговорила Николая I послать итальянцам подарок. Были отлиты копии коней с Аничкова моста и отправлены в город Неаполь. Итальянцы, получив такой роскошный подарок, в ответ отправили в Петербург торшеры и люстру из красного венецианского стекла.

По второй версии — турецкий султан, прибыв в Россию с визитом, привез в подарок 13 комплектов торшеров и люстр из красного стекла. 12 были отправлены в Гатчину, а 13-й — в Аничков. И самое вероятное: М. В. Ломоносов, проведя тысячи опытов, создал сорт стекла “Золотой рубин”. По этому ломоносовскому рецепту на императорском стекольном заводе под Петербургом и были изготовлены торшеры и люстры. Сейчас рецепт изготовления “Золотого рубина” утерян, и торшеры и люстры являются уникальными бесценными творениями русских мастеров.

Через арочные проходы, образовавшиеся в 1874 году на месте окон приемной, мы попадаем в Зимний сад. Он дошел до нас с утратами, но сохранил свою красоту.

По периметру Зимнего сада в медальонах — рельефные изображения женских головок. На падугах — декоративная лепнина в виде трельяжных сеток и цветочных гирлянд, ваз с фруктами и живописных букетов.

Сегодня Зимний сад украшают скульптура “Юного Диониса”, помещенная в корзину, увитого виноградными лозами, мраморная статуя “Девочка, пишущая письмо”, чугунная скульптура “Девочка, кормящая орла виноградом”, наконец, фонтан “Мальчик с уткой”.

К сожалению, в годы войны, когда Зимний сад был сильно поврежден и разрушен, фонтан, перестал работать.

Из Зимнего сада мы переходим в Белоколонный, или Танцевальный, зал. Он был создан архитектором Л. Руска.

В Танцевальном зале находятся четыре рельефа Терebeneва — “Рождение Амура”. “Гиппомен и Аталанта” (а не “Олимпийские игры”, как ошибочно указывает А. Каганович)¹, “Александр Македонский перед семьей Дария” и “Александр Македонский у тела Дария”. А. Каганович не без основания предположил, что два последних барельефа были

¹ Атрибуция Л. В. Измайловой, Е. В. Карповой.

установлены после пожара и являются несколько измененными копиями с композиций, находящихся в Голубой гостиной. Вместе с тем рельеф "Суд Париса", ныне украшающий одну из дверей Голубой гостиной, до пожара, видимо, находился в зале, о чем свидетельствуют размеры этой композиции. Рассмотрим внимательно названные барельефы, опираясь на атрибуцию А. Кагановича. На рельефе "Рождение Амура" в центре изображена сидящая Афродита с маленьким Амуром на коленях. Ее окружают богини красоты и грации Оры и Хариты. Одна из них принимает на руки младенца Амура, другая осыпает Афродиту цветами, третья, стоя на коленях, держит рог изобилия, наполненный цветами. В правой части композиции Теребенев изобразил Гермеса.

В барельефе "Гиппомен и Аталанта" скульптор запечатлел сюжет, рассказывающий о состязании в беге между героями известного мифа. Прекрасная Аталанта отличалась быстротой бега; ей было предсказано, что она выйдет замуж за того, кто опередит ее во время состязаний. Влюбленный Гиппомен, наученный Афродитой, стал бросать золотые яблоки во время бега; Аталанта, соблазненная яблоками, отстала и была побеждена Гиппоменом...

Первая анфилада завершается "Большой столовой". Сегодня здесь размещается концертный зал, а в XVIII в. это крыло неоднократно перепланировалось. В 1809 г. архитектор Л. Руска, убрав существовавшие к тому времени стены, устроил здесь зал в шесть осей с примыкающим к нему Буфетом и буфетной лестницей, выходящей на хозяйственный двор.

Первоначально росписи плафона были выполнены художником И. Е. Яковлевым. В 1817 г. живопись была возобновлена Дж. Б. Скотти.

Остальные элементы декора зала, отделанного А. Кампиони желтым искусственным мрамором, — коринфские колонны, характерный карниз, скульптурные десюдепорты, — сохранились без изменения. Тематика барельефов и росписи плафона соответствуют назначению столовой. В десюдепортах — жертвоприношения богине плодородия Флоре; в росписи натюрморты, декоративные гирлянды из цветов и фруктов.

Через концертный зал мы пройдем в Библиотеку дворца. Библиотека расположена в левом крыле дворца окнами в сад.

Как уже говорилось, в 1866 году в Аничков дворец из Зимнего была переведена библиотека великого князя Александра Александровича. Работу над устройством помещения

для библиотеки по желанию великого князя выполнил, взяв за образец библиотеку принца Ольденбургского, в 1868 году архитектор И. Монигетти, который отделал в характере Ренессанса двухъярусное, с антресолями, восьмиугольное помещение с четырьмя нишами в углах. В одной из них устроен вход, в другой встроен камин, третья превращена в потайную нишу, скрытую дверью с книжными полками, в четвертой устроена лестница на антресоли.

Общестроительные работы и лепной плафон с разделкой под дуб по рисункам И. Монигетти выполнил подрядчик Александр Дылев. Все остальные работы взяла на себя фирма Н. Штанге, исполнившая из светлого дуба с легкой окраской под воск шкафы и мебель, большие филенчатые резные двери, дубовую обшивку стен и откосов, малые дубовые плафоны в нишах, а также дубовый в шашку паркет с фризами.

Библиотека сохранился без значительных утрат.

Вторую анфиладу парадных интерьеров составляют пять комнат, идущих вдоль сада дворца.

Две из них со второй половины XIX в. называющиеся Желтой и Голубой (цвет штофной обивки на протяжении XIX в. неоднократно

менялся), несут следы ампириных переделок архитектора К. Росси.

В 1883 г. гостиные были заново обиты штофом, желтым и голубым, и с тех пор не меняли своего названия.

К настоящему времени в гостиных сохранилась монументально-декоративная роспись перекрытий, к сожалению, неоднократно подновленная (только после 1917 г. — четырежды, последний раз — в 1974 г. художниками-реставраторами Н. В. Бычковым, О. Ю. Педа-ясом, М. М. Швабским). Колористическая гамма сдержанная, гризайль на голубом и желтом фоне, лишь в углах перекрытия Желтой гостиной введена полихромная роспись. Тематически сюжеты росписей связаны друг с другом. В Желтой гостиной они определены темой любви и брака ("Вакханалия", "Бракосочетание в храме Амура", "Жертвоприношение Афине"), в Голубой — мифологией Аполлона ("Аллегория музыки", "Парнас", "Истина в искусстве", "Триумф Аполлона").

Несколько рельефов знаменитого скульптора Теребенева, сохранившихся в Аничковом дворце, посвящены различным событиям из жизни великого полководца древности Александра Македонского. В композициях прославляются смелость, мужество и милосердие Александра, о которых сообщают многие

его биографы. Пять из них расположены в Желтой и Голубой гостиных, два — в Танцевальном зале¹.

Широко распространенным было предание о великодушии Александра. Так, древние источники рассказывают, что в одном из сражений греками были захвачены в плен мать, жена и дочери персидского царя Дария. Александр Македонский великодушно обошелся с семьей своего врага, оберегал ее и заботился о том, чтобы облегчить тяготы плена. Когда Александр впервые посетил шатер пленников со своим приближенным Эфестионом, то вначале последний был принят ими за царя. После этого вперед выступил сам Александр и утешил мать и жену Дария, обещая им свою защиту и покровительство.

Эта встреча Александра с пленниками и стала темой композиции Теребенева. Художник изобразил внутренность шатра, в центре которого мать и жена Дария с ребенком, стоя на коленях, приветствуют Александра. Непосредственно за ними художник показал юношу и плачущую от радости девушку. Александр находится в левой части рельефа, на

¹ См. об этом подробнее в книге Т. Л. Каганович — Теребнев И. И., М., "Искусство", 1956.

нем воинские доспехи и короткий плащ. Отстраняя правой рукой Эфестиона, он выступает немного вперед. Очень существенно, что Теревенев передает все подробности рассказа, стремится возможно полнее раскрыть содержание каждого образа. Все это характерно и для рельефов "Прощание Александра Македонского с семьей" и "Александр Македонский на троне".

На другой композиции изображен Александр Македонский у тела умершего Дария. Биографы Александра неизменно останавливаются на этом эпизоде, рассказывая, как Дарий скончался от ран, нанесенных ему его же приближенными, и о том уважении, которое оказал Александр врагу, покрыв его тело своим плащом и с почестями похоронив. Благодарство и глубокая человечность, проявленные великим полководцем к сильному, но неудачливому противнику, стали содержанием композиции Теревенева. Скульптор изобразил тот момент, когда воины вносят Дария в царский шатер. В правой части рельефа стоит Александр со своим оруженосцем, слева воины несут безжизненное тело Дария...

Сюжетом для третьей композиции послужил известный рассказ о том, как Александр Македонский, будучи опасно ранен, призвал

к себе врача Филиппа, услугами которого всегда пользовался. Филипп обещал приготовить ему сильнодействующее лекарство.

В то же время Александру вручили письмо от полководца Пармениона, в котором он просил императора остерегаться врача, так как, по слухам, тот был подкуплен Дарием и собирался его отравить. Александр не поверил в предательство Филиппа и молча вылил принесенное им лекарство. При этом он, не спуская глаз с Филиппа, заставил его прочесть письмо Пармениона. Доверие Александра вызвало горячую благодарность Филиппа. Это предание служило темой для многих писателей и художников.

Теребенев изобразил Александра возлежащим на ложе и пьющим из кубка лекарство, принесенное врачом. В глубине шатра — две фигуры прислужников, справа на переднем плане Филипп, читающий письмо. За ним наблюдают воины, охраняющие царя.

В Голубой гостиной один из трех барельефов посвящен известному мифологическому сюжету.

На рельефе, изображающем суд Париса, Теребенев полностью воспроизводит известный греческий миф. В правой части композиции Парис вручает Афродите яблоко. В левой

части рельефа художник показал убегающих Афины и Геру, возмущенных и обиженных решением Париса. Здесь же на первом плане художник поместил аллегория реки в виде сидящего спиной к зрителю старца с коротким веслом в руках. Из сосуда, на который облокотился старик, течет вода. Этот персонаж часто встречается в искусстве как олицетворение источника, реки или моря.

Самой нарядной и большой из гостиных садовой анфилады является Красная гостиная, бывший Красный кабинет Марии Федоровны.

Большую ценность представляют в этой гостиной инкрустированные столешницы большого круглого и двух туалетных столиков. На камине мы видим мраморный бюст девочки с лукавой улыбкой. Ее автор — скульптор Брага¹. На живописных медальонах — десюдепортах — изображены итальянские пейзажи — работа художника А. И. Боголюбова (атрибуция Н. В. Огаревой). На падугах кабинета — рельефы муз поэзии и живописи, атрибуты искусства. Эти же атрибуты в рисунке штофов. Эффектные гирлянды из папье-маше декорируют окна гостиной. Каминные зеркала, поставленные друг против

¹ Атрибуция Е. В. Карповой

друга, создают эффект бесконечности анфилады. В них многократно отражается большая люстра из бронзы и хрустала.

Анфиладу замыкают две гостиные, по цвету штофной обивки называемые зелеными. Вплоть до 1917 года здесь размещались жилые покои Марии Федоровны. Существующая обивка этих помещений относится уже к нашему столетию.

В 1886 г. архитектор М. Е. Месмахер, отделывавший новые личные комнаты императорской четы, устроил на антресолях собственную комнату императрицы Марии Федоровны, в документах названную Библиотекой. Отделка комнаты шкафами и панелями красного дерева в стиле "jacob", по рисункам архитектора исполненная фирмой Ф. Мельцера, сохранились до настоящего времени практически без утрат. Сейчас в комнате на антресолях располагаются фонды музея Дворца творчества юных.

По легенде, Александр III устроил себе это убежище, в котором можно было находиться длительное время, из-за боязни покушений. Только из одной точки "тайной комнаты" видно окно личных покоев третьего этажа. Так что в случае опасности можно было подать сигнал тревоги.

Рядом с “Птичьей” комнатой и Библиотекой Марии Федоровны располагался Кабинет Александра III. Этот кабинет, занимающий часть восточного ризалита, выходящую в сад, расположен симметрично Библиотеке Александра III.

О судьбе “исторических комнат” Александра III уже говорилось.

А теперь по бывшей церковной лестнице поднимаемся на третий этаж, где размещались Церковь, фрейлинские, а с конца XIX века и личные комнаты Александра III и Марии Федоровны.

Там, где сегодня находится клуб бального танца “Ритм”, в XVIII — XIX веках была дворцовая церковь.

С XIX века сохранился лишь общий объем танцевального зала, равный объему церковного интерьера начала XIX века.

В первой комнате со стороны церковной лестницы в 1886 году архитектор М. Е. Месмахер устроил Опочивальню и примыкающие к ней Уборные Марии Федоровны и императора. На 3-й этаж к личным комнатам вела новая подъемная машина.

Отделка этих интерьеров сохранилась с утратами.

Из сохранившихся деталей отделки личных комнат третьего этажа отметим лишь лепной тонированный декор перекрытия в бывшей уборной Александра III, исполненный в характере английской готики, а также изразцовую печь в углу, подобную той, что сохранилась и в уборной Марии Федоровны. Обе печи были изготовлены товариществом “Лукашевич и К^о”, расписные изразцы — гончарным заводом Харламова, роспись изразцов исполнена по рисункам М. Е. Месмахера в Училище барона Штиглица.

Во всех комнатах карнизы и оконные откосы оформлены деревянными панелями.

На месте фрейлинских комнат архитекторы Гегелло и Кричевский создали в 1936—1937 гг. новую анфиладу игровых комнат, а в правом ризалите — кинолекционный зал в неоклассическом стиле 1930-х годов.

Нашу экскурсию по Аничкову дворцу мы продолжаем в “Комнатах сказок”.

В 1936 году для росписи “Комнат сказок” были приглашены художники-палешане. Из выступления художника А. В. Котухина на открытии Дворца пионеров: “Нас пригласили из Палеха расписывать детский Дворец. Мы расписали стены сказочными сюжетами, а когда пришли в готовый Дворец, сами оказались в каком-то сказочном царстве.

Такой роскоши и красоты мы еще не видели. Нам приятно, что в этой гигантской работе есть доля нашего труда. Когда ребята сказали, что комнаты, оформленные нами, им очень понравились — это была лучшая награда". Бывшие царские гардеробные художники-палешане превратили в сказочный мир, где живут пушкинские и горьковские произведения. "Песнь о Соколе", "Песнь о Буревестнике", "Подвиг Данко" — вот сюжеты первой комнаты; "Сказка о рыбаке и рыбке", Вступление к поэме "Руслан и Людмила" — второй. Мебель в комнатах изготовлена по рисункам художников-палешан и расписана ими. Состав бригады: А. В. Котухин, И. В. Маркичев, Н. М. Зиновьев, Д. Н. Буторин, А. А. Дыдыкин, А. Г. Баканов. Их автографы мы можем увидеть под росписями, так же как и дату окончания работы: 16.X.1936 г.

А теперь выйдем из дворца и продолжим экскурсию по усадьбе. Торжественный вход во дворец со стороны Фонтанки оформляют здания так называемых Кабинетов.

Мы уже говорили, что в 1803—1805 гг. по проекту Д. Кваренги со стороны главного фасада дворца вдоль набережной Фонтанки возвели два двухэтажных корпуса для хранения фарфора и хрусталя императорских

фабрик. В первых этажах размещались торговые помещения. Зодчий соединил корпуса монументальной колоннадой из сдвоенных колонн, о которой известный знаток Петербурга В. Я. Курбатов писал: "Она является одним из самых грандиозных въездов во двор здания, какие знает история искусства".

Последняя перестройка кабинетов была произведена в 1936—1937 гг. архитекторами Гегелло и Кричевским.

Обратим внимание на то, что архитектор Дж. Кваренги смешивает в этих зданиях дорический и ионический ордера, добиваясь особого художественного эффекта. На боковых фасадах мы видим декоративный фриз с рельефами грифонов. Введение в архитектуру этих сказочных античных образов отвечало основному назначению здания. Здесь хранились большие ценности императорского двора.

Сегодня в здании Кабинета располагаются отдел художественного воспитания, а также Школа олимпийского резерва.

И в завершение экскурсии пройдем в сад дворца. Интересно, что и в прошлые годы он был предназначен для отдыха и игр детей.

При Николае I в саду в зимнее время заливался каток, были устроены катальные горки,

освещаемые по вечерам. В 1879 году газета "Молва" писала: "Роскошный дворцовый сад в недавнее время стал доступен для столичной публики и то только для детей, сопровождаемых взрослыми".

В 1917 году газета "Вестник городского самоуправления" сообщила: "Новый городской сад. 4 августа городская дума, заслушав сообщение городского главы с предложениями министра продовольствия передать в ведение города сад при Аничковом дворце, единогласно постановила: принять сад при Аничковом дворце в ведение Петроградского городского общественного управления, предоставив его только для посещения детей. Поручить городской управе представить доклад о мерах к приведению сада в должный порядок и о суммах, потребных на это, так и на содержание сада в будущем".

Сад для детей при Дворце пионеров был открыт летом 1936 года. В военные годы в нем работала площадка для детей блокадного города. В саду были зарыты в землю клодтовские кони, снятые со своих пьедесталов. После войны в летнем театре на 1350 мест в дневное время проходили праздники для ребят, а вечером шли эстрадные концерты для взрослых. Всего в саду около 30 видов

разных деревьев и кустарников: липа, тополь, клен, жасмин, сирень, жимолость.

Два года сад Аничкова дворца был закрыт на реставрацию. И вот теперь, обновленный, похорошевший, он вновь встречает на своих аллеях петербуржцев и гостей нашего города.

ИСТОЧНИКИ

1. Александрова Л. Г. — Луиджи Руска, Лениздат, 1990 г.
2. Арапова А. Н. — Н. Н. Пушкина-Ланская, М., 1994.
3. Берков П. Н. — Александр Петрович Сумароков, М.-Л., "Искусство", 1949.
4. Божерянов И. Н. — Великая княгиня Екатерина Павловна, СПб, 1888.
5. Божерянов И. Н. — Жизнеописание императрицы Александры Федоровны, Вып. 1, СПб, 1900 г.
6. Божерянов И. Н., Невский проспект, СПб, 1903 г.
7. Биржевые Ведомости, 1886 г., N 254.
8. Буланкова Л. П. — Страницы жизни Аничкова дворца. Документы, мемуары, были, легенды. Издание 2-е, доп. СПб. 1995.
9. Васильева Л. И. — Аничковский дворец. Историческая справка. 1950. Архив ГИОП, инв. N 1341
10. Винокуров И., Флорич Ф. — Подвиг адмирала Невельского, М., 1959.
11. Витте С. Ю. — Воспоминания, Москва, 1980
12. Вырубова А. — Рядом с царской семьей, "Нева", 1994, N 2.

13. Валишевский К. — Дочь Петра Великого, СП, "Квадрат", Москва, 1993 г.
14. Валишевский К. — Алексей Григорьевич Разумовский, М., 1993 г.
15. Гурко В. И. — Царь и царица.
16. Демичева Н. Н., Аксельрод В. И. — Зодчие и строители Аничкова Дворца, СПб, 1994 г.
17. Зиновьев М. М. — Искусство Палеха, М., "Художник РСФСР", 1974 г.
18. Иванов Г. — Книга о последнем царствовании, "Октябрь", 1992 г., N 7.
19. Иезутова Р. В. — Жуковский в Петербурге. Л., 1972.
20. Иогансен Т. В. — Михаил Земцов. Лениздат, 1975.
21. Каганович Т. Л. — "Теребенев И. И.", М., "Искусство", 1956 г.
22. Камер-фурьерские журналы Министерства Императорского двора, Гос. исторический архив, фонд N 516, опись 1206 (2703).
23. Козьмян Г. К. — Ф. Б. Растрелли, Л., Лениздат, 1976 г.
24. Коршунова М. Ф. — Джакомо Кваренги. Лениздат, 1981.
25. Кричевский Д. Л., Гегелло А. И. — Архитектура Ленинграда, 1936 г., N 1.
26. Кузнецова А. — Моя мадонна, М., "Сов. писатель", 1987 г.

27. Кузьмина Л. И. — Лев Толстой в Петербурге, Л., Лениздат, 1986 г.

28. Лермонтов М. Ю. — Исследования и материалы, сб. статей, Л., "Наука", 1979 г.

29. Листов В. Н. — Ипполит Монигетти, Л., Стройиздат, 1976 г.

30. Листов В. Н. — Литературные памятные места Ленинграда. 3-е издание, Л., 1976.

31. Мердер К. К. — Дневник "Русская старина", 1885 г., N 2-4

32. Мосолов А. А. — При дворе последнего императора, СПб, "Наука", 1992 г.

33. Музеи города, Л., 1928 г.

34. Мэйсси Р. К. — Николай и Александра, журнал "Мы", 1991 г., N 4-5.

35. Петров А. Н. К вопросу о зодчих-строителях Аничкова дворца. — "Научные сообщения Гос. инспекции по охране памятников Ленинграда". Л., 1959, с. 22-40.

36. Пилявский В. И. — Зодчий России, М.-Л., 1951 г.

37. Пыляев М. И. — Старый Петербург, СПб, 1903 г.

38. Попова Г. А. — "Музей и Город", С.-Петербург, 1993 г., N 2.

39. Радзинский Э. — Господи, спаси и умири Россию, Николай II — Жизнь и смерть, "Дружба народов", 1991 г., N 9.

40. Русский биографический словарь, СПб, 1896 г., т. 1.

41. "Русский инвалид", 1911 г., 6 января

42. Ж. "Русская старина", 1883 г., рассказы Я. И. Де-Санглена "Сады и парки Ленинграда", Л., Лениздат, 1981 г., "Север", 1894 г., N 44.

43. Смирнова-Россет А. О. Дневники. Воспоминания, М., "Наука", 1989 г.

44. Соллогуб — Петербургские страницы воспоминаний графа Соллогуба с портретами его современников. ТОО "Афина", Санкт-Петербург, 1993.

45. Столпянский П. Н. Старый Петербург, П гр., ШЗ, 1922 г.

46. Сургучев И. — Детство императора Николая II, "Роман-газета", 1993 г., N 2.

47. Сашонко В. Н. — Калинин в Петербурге-Ленинграде, Лениздат, 1977 г.

48. Тарановская М. З. — Карл Росси, Л., Лениздат, 1978 г.

49. Тыжненко Т. Е. Максимилиан Месмахер. Лениздат, 1987.

50. Успенский А. И. — Императорские Дворцы, М., 1913 г., т. 1.

51. Художественные сокровища России, 1903 г., N 4, 1906 г., N 1-12.

52. Эткинд А. А. — Н. Бенуа и русская художественная культура, Л., "Художник РСФСР", 1989 г.

53. Чугунов Г. И. — Валентин Серов в Петербурге

54. "На Российском престоле", 1725 — 1796 гг., М., Интерпракс, 1993 г.

55. Глинский Б. Б. Царские дети и их наставники. Изд. МО "Вольф", 1912 г.

56. Ж. "Исторический вестник", 1898 г.

57. "Из воспоминаний баронессы Фридрикс".

Содержание

Зодчие и строители дворца	3
Страницы истории. Сиятельные владельцы	33
Музей города	117
Дворец пионеров	124
Экскурсия по Аничкову дворцу	150
Источники	170

Подписано к печати 30.05.96
Формат 70х90 ¹/₃₂, печать офсетная,
5,5 печ. л. Тип. зак. № 209. Тираж 5000 экз.
ЛР № 064587 от 20.05.1996
ООО «Алмаз»

Редактор: *Белякова А. А.*
Компьютерная верстка: *Орловский Е. Г.*
Корректор: *Юдина О. Е.*

Опечатано в Санкт-Петербургской
типографии ВО «Наука».
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

